

А. С. Грибоѣдовъ въ 1826 году.

Изъ исторіи литературныхъ и общественныхъ отношеній
двадцатыхъ годовъ XIX вѣка.

I.

До самаго послѣдняго времени объ эпизодѣ привлеченія А. С. Грибоѣдова къ слѣдствію по дѣлу о заговорѣ декабристовъ мы знали лишь со словъ современниковъ. Официальныя данныя о прикосновенности Грибоѣдова къ декабристамъ заключаются въ дѣлахъ. Высочайше учрежденнаго 17 декабря 1825 года Комитета по изысканію о злоумышленныхъ обществахъ, дѣлахъ, которыя хранятся въ Государственномъ Archivѣ. Здѣсь находится и цѣлое „дѣло о Грибоѣдовѣ“ (I В № 174), состоящее изъ 24 пронумерованныхъ листовъ. Въ настоящей статьѣ оно съ точностью воспроизводится, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей оригинала. Бумаги въ этомъ дѣлѣ не всегда расположены въ хронологической послѣдовательности; для сохраненія стройности впечатлѣнія слѣдовало бы читать дѣло въ слѣдующемъ порядкѣ: бумаги № 1, 13, 3—6, 2, 7—12, 14 и дальше, какъ напечатано.

№ 1.

Извлеченіе изъ показаній о Грибоѣдовѣ. л. 1.

Полковникъ Артамонъ Муравьевъ. Онъ съ *Грибоѣд.* пріѣхалъ къ *Бестужеву-Рюмину* съ намѣреніемъ познакомить его *Гриб.* съ Сергѣемъ Муравьевымъ, какъ съ челов. умнымъ, зная, что *Грибоѣд.* предполагалъ остаться въ Кіевѣ. *Сергѣй Мур.* пріѣхалъ къ нимъ въ полдень и уѣхалъ на другое утро рано. При немъ разговоръ былъ общій, не касающійся до общества.

Оболенскій Что *Грибоѣдовъ* былъ принять въ члены общества мѣсяца два или три предъ 14 Декабря, и вскорѣ потомъ уѣхалъ; почему дѣйствій его въ обществѣ совершенно не было.

Трубецкой (во 2 показаніи). Слышалъ отъ *Рылѣева*, что онъ принялъ *Грибоѣдова* въ члены тайнаго общества.

№ 2.

Письмо Грибоѣдова къ Государю Императору л. 2.
(Надписано) № 662 19 февр. 1826.

Всемилоствѣйшій ГОСУДАРЬ!

По неосновательному подозрѣнію, силою величайшей несправедливости, я былъ вырванъ отъ друзей, отъ начальника мною любимаго, изъ крѣпости Грозной на Суножѣ, чрезъ три тысячи верстъ въ самую суровую стужу притащенъ сюда на перекладныхъ, здѣсь посаженъ подъ крѣпкій караулъ, потомъ былъ позванъ къ Генералу Левашову. Онъ обошелся со мною вѣжливо, я съ нимъ совершенно откровенно, отъ него отправленъ съ обѣщаніемъ скорого освобожденія. Между тѣмъ дни проходятъ, а я запертъ. ГОСУДАРЬ! Я не знаю за собою никакой вины. Въ приѣздъ мой изъ Кавказа сюда, л. 2
тщательно скрывалъ мое имя, чтобы слухъ о печальной об.
моей участи не достигъ до моей матери, которая могла бы отъ того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточеніе, то конечно и отъ нее не укроется. ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО сами питаете благоговѣйнѣйшее чувство къ ВАШЕЙ Августѣйшей родительницѣ...

Благоволите даровать мнѣ свободу, которой лишиться я моимъ поведеніемъ никогда не заслуживалъ, или послать меня предъ Тайный Комитетъ лицомъ къ л. 3.
лицу съ моими обвинителями, чтобы я могъ обличить ихъ во лжи и клеветѣ.

Всемилоствѣйшій ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
вѣрноподанный

Александръ Грибоѣдовъ .

15 февраля
1826.

№ 3.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 14 фев- л. 4.
раля корнету князю Одоевскому.

1826 года 14 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. Корнета Конной Гвардіи князя *Одоевскаго* показанія:

Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ* когда и кѣмъ былъ принятъ въ тайное общество? съ кѣмъ изъ членовъ состоялъ въ особенныхъ сношеніяхъ? что извѣстно ему было о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ общества и какого рода вы имѣли съ нимъ разсужденія о томъ?

Такъ, какъ я коротко знаю Г-на Грибоѣдова, то объ немъ честь имѣю донести совершенно положительно, что онъ ни къ какому не принадлежитъ обществу.

Корнетъ Князь Одоевскій.

№ 4.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 14 фев- л. 5.
раля Подпоручику Рылѣву.

1826 года 14 февраля ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. подпоручика Рылѣва показанія:

Когда и гдѣ былъ принятъ вами въ члены тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ*? что именно было открыто ему о намѣреніяхъ, видахъ и средствахъ общества? Не было ли сдѣлано ему порученія о свиданіи съ кѣмъ-либо изъ членовъ южнаго общества, а также и о распространеніи членовъ онаго въ корпусѣ Генерала Ермолова, и не имѣли ли вы отъ него увѣдомленій о успѣхахъ его дѣйствій?

Съ Грибоѣдовымъ я имѣлъ нѣсколько общихъ разговоровъ о положеніи Россіи и дѣлалъ ему намеки о существованіи общества, имѣющаго цѣлью перемѣнить образъ правленія въ Россіи и ввести конституціонную монархію; но какъ онъ полагалъ Россію къ тому еще неготовую и къ тому жъ неохотно входилъ въ сужденія о семъ предметѣ, то я и оставилъ его. Порученій ему никакихъ не было дѣлано, ибо хотя онъ изъ намековъ моихъ могъ знать о существованіи общества, но не будучи принятъ мною совершенно не имѣлъ права на довѣренность Думы. Слышалъ я отъ Трубецкаго, что во время бытности Грибоѣдова въ прошломъ году въ Кіевѣ нѣкоторые члены Южнаго общества также ста-

рались о принятіи его въ оное, но не успѣли въ томъ л. 5.
по тѣмъ же причинамъ, по какимъ и я принужденъ былъ об.
оставить его.

Подпоручикъ Кондратій Рылѣвъ.

№ 5.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 14 л. 6.
февраля полковнику князю Трубецкому.

1826 года 14 февраля, **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденный комитетъ требуетъ отъ г. Полковника князя *Трубецкого* показанія:

Въ начальныхъ отвѣтахъ вашихъ между прочимъ сказано о слышанномъ вами отъ Рылѣва, что онъ принялъ въ тайное общество *Грибоѣдова*. Рылѣвъ съ своей стороны говоритъ, что онъ намекалъ ему о существованіи общества, но видя, что онъ не охотно входилъ въ сужденія о перемѣнѣ образа правленія въ Россіи, то не открывалъ ему намѣреній своихъ и не принималъ его въ члены. Къ сему Рылѣвъ присовокупляетъ, что слышалъ отъ васъ, что во время бытности Грибоѣдова въ прошломъ году въ Кіевѣ нѣкоторые члены южнаго общества также старались о принятіи его въ оное, но не успѣли въ томъ. — Объясните: точно ли Рылѣвъ говорилъ вамъ, что онъ принялъ Грибоѣдова, и точно ли сообщили вы Рылѣву вышесказанное и отъ кого именно сіе извѣстно вамъ было?

Разговаривая съ Рылѣвымъ о предположеніи не существуетъ ли какое общество въ Грузіи, я также сообщилъ ему предположеніе, не принадлежитъ ли къ оному *Грибоѣдовъ*? Рылѣвъ отвѣтилъ мнѣ на это что нѣтъ, что онъ съ Грибоѣдовымъ говорилъ; и сколько помню то прибавилъ сіи слова „онъ нашъ“ изъ коихъ я и заключилъ что Грибоѣдовъ былъ принятъ Рылѣвымъ. И тогда рассказалъ ему что Грибоѣдовъ былъ въ Кіевѣ и что его тамъ пробовали члены южнаго общества, но онъ не подался;—это слышалъ я отъ Полтавскаго пѣхотнаго полка поручика Бестужева, который кажется съ Артамономъ Муравьевымъ, имѣли намѣреніе открыть Грибоѣдову существованіе ихъ общества и принять его, но отложили оное, потому что не нашли въ немъ того образа мыслей какого желали. На это мнѣ Рылѣвъ ничего не отвѣчалъ; и я остался при мнѣніи моемъ что онъ принялъ Грибоѣдова.

Полковникъ Князь Трубецкой.

№ 6.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 14 февраля Штабсъ-капитану Бестужеву. л. 7.

1826 года 14 февраля, **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. штабсъ-капитана Л. Г. Драгунскаго полка *Бестужева* показанія:

Когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества кол. ассесоръ *Грибоѣдовъ*? что извѣстно ему было о намѣреніяхъ, видахъ и средствахъ общества? не было ли сдѣлано ему порученія о свиданіи съ членами южнаго общества и о распространеніи оныхъ въ корпусѣ генерала Ермолова?

Отвѣтъ. Съ Грибоѣдовымъ, какъ съ человѣкомъ свободномыслящимъ я нерѣдко мечталъ о желаніи преобразования Россіи. Говорилъ даже что есть люди, которые стремятся къ этому—но прямо объ обществѣ и его средствахъ никакъ не припомню чтобы упоминалъ. Да и онъ какъ поэтъ желалъ этого для свободы книгопечатанія и русскаго платья. Въ члены же его не принималъ я во первыхъ потому что онъ меня и старѣе и умнѣе, а во вторыхъ потому что жалѣлъ подвергнуть опасности такой талантъ; въ чемъ и Рылѣевъ былъ согласенъ. Притомъ же прошедшаго 1825 г. зимою, въ которое время я былъ знакомъ съ нимъ, ничего положительнаго и у насъ не было. Уѣхалъ онъ въ мою бытность въ Москвѣ, въ началѣ Мая, и Рылѣевъ говоря о немъ ни о какихъ порученіяхъ не упоминалъ. Что же касается до распространенія членовъ въ корпусѣ Генерала Ермолова, я весьма въ томъ сомнѣваюсь ибо оный находясь внѣ круга дѣйствія, ни къ чему бы намъ служить не могъ. л. 7. об.

Штабсъ-капитанъ Алекс. Бестужевъ.

№ 7.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19 февраля подпоручику Бестужеву—Рюмину. л. 8.

1826 года 19 февраля, **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденный комитетъ требуетъ отъ г. подпоручика Бестужева-Рюмина свѣденія:

Точно ли вами, или кѣмъ другимъ былъ принятъ въ члены общества Кол. Ассесоръ *Грибоѣдовъ* и когда именно? При томъ объясните, по какому поводу онъ

былъ у васъ и видѣлся съ Сергѣемъ Муравьевымъ? что тогда сообщено ему было о намѣреніяхъ общества, какого онъ былъ о семъ мнѣнія и какое далъ обѣщаніе насчетъ содѣйствія видамъ общества и распространенія членовъ онаго въ грузинскомъ корпусѣ?

Грибоѣдовъ въ общество принять не былъ по двумъ причинамъ, мною тогда Матвѣю Муравьеву изложеннымъ 1) Что служба при Ермоловѣ онъ нашему обществу полезень быть не могъ. 2) Не зная ни истиннаго образа мыслей, ни характера Грибоѣдова, опасно было его принять въ наше общество, дабы въ ономъ не сдѣлать онъ партіи для Ермолова; въ коемъ общество наше довѣренности не имѣло. На мое мнѣніе согласились и предложенія Грибоѣдову не дѣлали. Былъ же онъ не у меня, а проѣзжалъ чрезъ Кіевъ вмѣстѣ съ Артамономъ Муравьевымъ. И видѣлъ я его только два раза у Трубецкаго. С. Муравьева тогда я просилъ пріѣхать въ Кіевъ, дабы ему вышесказанное мнѣніе сообщить. Онъ его опробоваль.

л. 8
об.

Подпоручикъ Бестужевъ—Рюминъ.

№ 8.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19 фев. л. 9.
раля подполковнику Муравьеву—Апостолу
1826 года 19 февраля ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный
комитетъ требуетъ отъ г. подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола показанія:

Точно ли вами принять въ члены общества Кол. Ассесоръ *Грибоѣдовъ* и когда именно? Объясните притомъ, что было предметомъ свиданія вашего съ нимъ у *Бестужева-Рюмина* и что вы тогда сообщили ему Грибоѣдову о намѣреніяхъ общества? Какого онъ былъ мнѣнія и какое далъ обѣщаніе насчетъ содѣйствія видамъ общества и распространенія членовъ онаго въ Грузинскомъ корпусѣ?

Я уже показалъ и теперь вторично подтверждаю мое показаніе что я съ кол. ассесоромъ Грибоѣдовымъ не имѣлъ никакихъ сношеній по обществу, что не принималъ его никогда въ члены онаго, что никогда не имѣлъ съ нимъ свиданія у Бестужева, у коего онъ Грибоѣдовъ, кажется, и не былъ ногой.—Что видѣлъ его въ Кіевѣ, когда пріѣзжалъ я къ Ар. Муравьеву, ибо онъ Грибоѣдовъ стоялъ съ Муравьевымъ въ одномъ трак-

тирѣ, и заходилъ къ нему при мнѣ; и наконецъ что Грибоедовъ не былъ принятъ въ члены общества нашего.

Подполковникъ Муравьевъ-Апостоль.

№ 9.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19 фев. л. 10.
раля Генераль-маіору кн. Волконскому.

1826 года 19 февраля, **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. Генераль-маіора князя Волконскаго свѣдѣнія:

Не извѣстно ли вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества Коллежскій Ассессоръ *Грибоедовъ*? И не было ли ему сдѣлано порученіе насчетъ распространенія членовъ въ Грузинскомъ корпусѣ?

Честъ имѣю почтѣннейшѣ донести что не могу дать никакого сведенія по вышеозначенному по неизвѣстности мнѣ сихъ обстоятельствъ. Съ Господиномъ Грибоедовымъ я лично весьма мало знакомъ, и лишь по однимъ встрѣчамъ въ свѣтскихъ собраніяхъ въ Москвѣ—при временныхъ моихъ проѣздовъ чрезъ сей городъ. 19 февраля.

Генераль-Маіоръ Князь Волконской.

№ 10.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19 фев. л. 11.
раля Штабъ-ротмистру кн. Барятинскому.

1826 года 19 февраля, **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденный комитетъ требуетъ отъ г. Штабъ-ротмистра Князя Барятинскаго свѣдѣнія.

Не извѣстно ли Вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества Коллежскій Ассессоръ *Грибоедовъ* и не было-ли ему сдѣлано порученіе на счетъ распространенія членовъ въ Грузинскомъ Корпусѣ?

Ежели это *Грибоедовъ* сочинитель то я его лично не знаю, а слыхаль о немъ какъ объ авторѣ. Не извѣстно такъ же мнѣ членъ-ли онъ тайнаго общества и былъ ли онъ въ Грузіи. О другомъ *Грибоедовъ* никогда не слыхаль.

Л. Г. гусарскаго полка Штабъ-Ротмистръ

Князь Барятинскій.

№ 11.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19 февраля л. 12.
полковнику Давыдову.

1826 года 19 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Комитетъ требуетъ отъ Г. Полковника Давыдова показанія.

Не извѣстно ли Вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены Тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ* и не было ли ему сдѣлано порученіе на счетъ распространенія членовъ въ Грузинскомъ Корпусѣ?

Честь имѣю донести ВЫСОЧАЙШЕ учрежденному Комитету, что я никогда не слышалъ чтобы господинъ Грибоѣдовъ принадлежалъ къ обществу, или даже чтобы предлагали ему войти въ оное. Я разъ съ нимъ видѣлся въ Москвѣ на большомъ обѣдѣ, гдѣ, кромѣ литературы, ни о чемъ не говорили.—

Отставной полковникъ Давыдовъ.

№ 12.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19 февраля л. 13.
полковнику Пестелю.

1826 года 19 февраля ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Комитетъ требуетъ отъ Г. Полковника *Пестеля* свѣдѣнія:

Не извѣстно ли Вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ*? И не было ли ему сдѣлано порученіе на счетъ распространенія членовъ въ Грузинскомъ Корпусѣ?

О принадлежности коллежскаго Ассесора Грибоѣдова къ тайному обществу не слышалъ я никогда ни отъ кого и самъ вовсе его не знаю.

Полковникъ Пестель.

№ 13.

Допросъ, отобранный отъ Грибоѣдова генераль- л. 14.
адъют. Левашевымъ.

№ 224. Коллежскій ассесоръ *Грибоѣдовъ*.

Я тайному обществу не принадлежалъ, и не подозревалъ о его существованіи. По возвращеніи моемъ изъ Персіи въ Петербургъ въ 1825 году я познакомился

посредствомъ литературы съ Бестужевымъ, Рылѣвымъ и Абаленскимъ. Жилъ вмѣстѣ съ Адуевскимъ, и по Грузіи былъ связанъ съ Кюхелбекеромъ. Отъ всехъ сихъ лицъ ничего не слыхалъ могущаго мнѣ дать малѣйшую мысль о тайномъ обществѣ. Въ разговорахъ ихъ видилъ часто смѣлыя сужденія на счетъ правительства, въ коихъ самъ я бралъ участіе: осуждалъ что казалось вреднымъ, и желалъ лучшаго. Болѣе ни какихъ дѣйствій моихъ не было могущихъ на меня навлечь подозрѣніе и почему оное на меня пало истолковать не могу. (Подпись). Коллежскій Ассесоръ Александръ Грибовдовъ.

Генераль-Адъютантъ Левашевъ.

Помѣтки карандашемъ:

Спросить у Адуевского

Трубец. (21 ст.) знаетъ отъ
Рылѣва, что онъ принялъ
Грибовдова?

24 февр.

№ 14.

Вопросные пункты Грибовдову 24 февраля.

л. 15

Помѣтка: Читано 25 февр.

1826 года 24 февраля, въ присутствіи ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета Коллежскій Ассесоръ *Грибовдовъ* спрашиванъ и показалъ:

1.

Какъ ваше имя, отечество и фамилія, какого вы исповѣданія, сколько вамъ отъ роду лѣтъ, ежегодно ли бываетъ на исповѣди и у святаго причастія, гдѣ служите, не были ль подъ судомъ, въ штрафахъ и подозрѣніяхъ и за что именно?

2.

Гдѣ воспитывались, какимъ наукамъ учились и кто преподавалъ вамъ оныя?

3.

Въ началѣ перваго показанія своего вы, отрицаясь отъ принадлежности къ числу членовъ злоумышленнаго тайнаго общества, изъяснились далѣе такъ, что будучи знакомъ съ Бестужевымъ, Рылѣвымъ, Оболенскимъ, л. 15 Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ, часто слышали смѣлыя об. сужденія ихъ на счетъ правительства, въ коихъ сами вы брали участіе, осуждали, что казалось вреднымъ и желали лучшаго.

4.

Въ томъ же смыслѣ, но съ большою важною и рѣшительною Комитету извѣстны мнѣнія ваши, изъ-явленные означеннымъ лицамъ.

Не только они, но князь Трубецкой и другіе, по словамъ первыхъ, равно считали васъ раздѣлявшимъ ихъ образъ мыслей и намѣреній, а слѣдственно (по ихъ правиламъ пріема въ члены) принадлежащимъ къ ихъ обществу, и дѣйствующимъ въ ихъ духѣ.

Убѣжденіе сіе основано было на собственныхъ словахъ вашихъ, особенно послѣ того: л. 16.

а) что Рылѣвъ и Александръ Бестужевъ прямо открыли вамъ, что есть общество людей, стремящихся къ преобразованію Россіи и введенію новаго порядка вещей; говорили вамъ о многочисленности сихъ людей, о именахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, о цѣляхъ, видахъ и средствахъ общества, и

в) что отвѣтомъ вашимъ на все то было изъясненіе одобренія, желаній и пр.

Въ такой степени прикосновенности вашей къ злоумышленному обществу, Комитетъ требуетъ показаній вашихъ въ томъ:

а) въ чемъ именно состояли тѣ смѣлыя на счетъ правительства означенныхъ вами лицъ сужденія, въ коихъ сами вы брали участіе?

б) что именно находили вы притомъ достойнымъ л. 16 осужденія и вреднымъ въ правительствѣ и въ чемъ за- об. ключались желанія ваши лучшаго?

в) когда и что именно узнали вы особенно отъ Рылѣва, Бестужева и Одоевскаго о существованіи общества людей, стремящагося къ преобразованію Россіи?

г) съ тѣмъ вмѣстѣ, что узнали вы о многочисленности сихъ людей, и кто изъ нихъ былъ вамъ названъ?

д) сказано ли вамъ было гдѣ находились центры и отдѣленія членовъ тайнаго общества?

е) что именно сказано вамъ о цѣли, видахъ и средствахъ дѣйствій онаго?

ж) объясните, въ чемъ именно состояли ваши во всемъ томъ мнѣнія и одобренія?

з) Въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлію вы между л. 17 прочимъ, въ бесѣдахъ съ Бестужевымъ, неравнодушно желали рускаго платья и свободы книгопечатанія?

и) По показанію князя Оболенскаго вы наконецъ дня за три до отъѣзда вашего изъ Петербурга рѣшительно были приняты въ члены тайнаго общества. Объясните какого рода дали вы обѣщаніе неумоимо дѣйствовать въ духѣ сего общества; и какое дано вамъ

порученіе на счетъ приготовленія умовъ къ революціоннымъ правиламъ, въ кругу вашего пребыванія, и распространенія членовъ общества.

і) По какому случаю вы, проѣзжая Кіевъ, имѣли свиданіе съ Бестужевымъ-Рюминымъ и Муравьевыми, Артамономъ и Сергѣемъ, изъ коихъ за послѣднимъ нарочито было посылаемо? Что было предметомъ вашего совѣщанія и что открыто вамъ было о приготовленіяхъ южнаго общества къ началу открытія возмутительныхъ дѣйствій? л. 17 об.

Въ заключеніе вы по совѣсти должны показать все то, что извѣстно вамъ о составѣ тайныхъ обществъ, ихъ цѣли и образа дѣйствій.

Вы ли писали письмо которое передъ собою видите, Кухельбекеру?

Надворный Совѣтникъ А. Ивановскій

№ 15.

Отвѣты Грибовдова.

л. 18.

На данные мнѣ вопросныя пункты отъ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета имѣю честь отвѣтствовать.

1.

Имя мое: Грибовдовъ Александръ Сергѣевъ.
Греко-каѳолическаго исповѣданія
родился въ 1796 году.

Обязанности мои, какъ сынъ Церкви исполняю ревностно. Если бывали годы, что я неисповѣдывался, и неприобщался Святыхъ Тайнъ, то оно случилось произвольно.

Служу Секретаремъ по Дипломатической части при Главнокомандующемъ въ Грузіи.

Подъ судомъ, въ штрафахъ и подозрѣніи не бывалъ.

2.

Воспитывался частію дома, частію въ Московскомъ Университетѣ, подъ надзоромъ профессора Буле, учился правамъ, наукамъ математическимъ и языкамъ.

3 и 4.

И теперь имѣю честь подтвердить первое мое показаніе.

К. Трубецкій и другіе его единомышленники напрасно полагали меня раздѣлявшимъ ихъ образъ мыслей. Если соглашался я съ ними въ сужденіяхъ о правахъ,

новостяхъ, литературѣ, это еще не доказательство, что и въ политическихъ моихъ мнѣніяхъ я съ ними былъ согласенъ. Смѣло могу сказать, что по нынѣ открывшимся важнымъ обстоятельствамъ заговора, мои правила съ правилами К. Трубецкаго ничего не имѣютъ общаго. При томъ же я его почти не зналъ.

л. 18
об.

а.

Рылѣевъ и Бестужевъ никогда мнѣ о тайныхъ политическихъ замыслахъ ничего не открывали.

б.

И потому отвѣтомъ моимъ на сокровенность ихъ предпріятій, вовсе мнѣ неизвѣстныхъ, не могло быть ни одобреніе, ни порицаніе.

а } б }

Сужденія мои касались до частныхъ случаевъ, до злоупотребленій нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальствъ, до вещей всѣмъ извѣстныхъ, о которыхъ всегда въ Россіи говорится довольно гласно. Я же не только не способенъ быть ораторомъ возмущенія, много если предаюсь избытку искренности въ тѣсномъ кругу людей кроткихъ, и благомыслящихъ, терпѣливо ожидая времени, когда моя служба или имя писателя обратятъ на меня вниманіе Вышняго Правительства, предъ которымъ я былъ бы еще откровеннѣе.

в } г } д } е } ж }

Ничего мнѣ подобнаго не открывали. Я повторяю, что ничего не зная о Тайныхъ Обществахъ я никакого собственнаго мнѣнія о нихъ не могъ имѣть.

з }

Русскаго платья желалъ я, потому что оно красивѣе и покойнѣе фраковъ и мундировъ, а вмѣстѣ съ этимъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезъ л. 19. вычайно любезныхъ.

Я говорилъ не о безусловной свободѣ книгопечатанія, желалъ только чтобы она не стѣснялась своенравіемъ иныхъ цензоровъ.

и

Показаніе Кн. Оболенскаго совершенно несправедливо. Не могу постигнуть на какихъ ложныхъ слухахъ

онъ это основывалъ, не на томъ ли, что меня именно за три дни до моего отъѣзда приняли въ Общество Любителей Русской словесности, общество, которое подъ **ВЫСОЧАЙШИМЪ** покровительствомъ издаетъ всѣмъ извѣстный журналъ: *Соревнователь*, и отъ вступленія въ которое я чрезвычайно долго отговаривался, ибо поэзію почиталъ истиннымъ услажденіемъ моей жизни, а не ремесломъ.

i. }

Пребываніе мое въ Кіевѣ было самое непродолжительное проѣздомъ въ Крымъ и на Кубань: чрезъ эти мѣста я возвращался къ моей должности въ Грузію. Гдѣ Муравьевыхъ и Бестужева-Рюмина видѣлъ мелькомъ; разговоры не только вредныхъ Правительству, но въ которыхъ требуется хотя несколько довѣренности я съ ними не имѣлъ: потому что не успѣлъ еще порядочно познакомиться, я непростясь уѣхалъ. Обстоятельство, что за однимъ изъ нихъ былъ посланъ нарочной для меня вовсе неизвѣстно; изъ сдѣланнаго мнѣ теперь вопроса, узнаю объ этомъ въ первый разъ.

л. 19
об.

Письмо, которое мнѣ здѣсь показано, моей руки и писано къ Кюхельбекеру.

Коллежскій Ассесоръ Александръ Грибовдовъ.

№ 16.

Вопросный пунктъ князю Оболенскому
съ отвѣтами 25 февраля.

л. 20

1826 года 25 февраля, **ВЫСОЧАЙШЕ** учрежденный Комитетъ требуетъ отъ Г. Поручика Л.-Г. Финляндскаго Полка князя Оболенскаго показанія.

Противу показанія вашего о томъ, что Кол. Ассесоръ *Грибовдовъ* былъ принять въ члены тайнаго общества мѣсяца за два или за три до 14 декабря, онъ, *Грибовдовъ*, отвѣчаетъ, что дня за три до отъѣзда его изъ Петербурга онъ точно былъ принять въ общество, но только въ Высочайше учрежденное, издающее журналъ *Соревнователь*, а не въ тайное. Объясните: ежели дѣйствительно онъ былъ принять въ члены тайнаго общества, то когда и къмъ именно и не было ли притомъ свидѣтелей?

О принятіи Грибоѣдова въ члены Общества я слышалъ отъ принявшаго его Рылѣва, и болѣе совершенно никакихъ подробностей принятія его не слыхалъ, и не могу сказать кто былъ свидѣтелемъ при приемѣ его:— О времени же принятія его я по истиннѣ показать не могу съ точностію:—но сколько помню сіе было за мѣсяцъ или за два до отъѣзда его отсюда: вотъ все что могу сказать о принятіи Грибоѣдова въ подтвержденіе прежняго показанія моего:—никакіе впротчемъ подробности принятія его мнѣ неизвѣстны:—самъ же лично, послѣ принятія Грибоѣдова, сколько сіе помню, съ нимъ не встрѣчался.

Князь Евгений Оболенской.

№ 17.

Вопросные пункты Грибоѣдову съ отвѣтами 15 марта л. 21.

1). Вопросы.

Помѣтка:— Читано 16 марта.

1826 года 15 марта въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ* спрашиванъ и показалъ.

Въ дополненіе сдѣланныхъ вами отвѣтовъ поясните откровенно слѣдующее:

1) при отъѣздѣ вашемъ изъ Петербурга, не предлагалъ ли вамъ Рылѣвъ или кто другой писемъ, для доставленія къ Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину и не сказано ли вамъ было о содержаніи оныхъ?

2) Равнымъ образомъ, не поручалъ ли вамъ Рылѣвъ или Александръ Бестужевъ какихъ либо стиховъ и прозаической статьи, подъ названіемъ Катихизисъ для доставленія на Югъ? л. 21. об.

3) По какому именно случаю вы имѣли свиданіе въ Кіевѣ съ Артамономъ и Сергѣемъ Муравьевыми и Бестужевымъ-Рюминымъ? гдѣ и когда вы познакомились съ ними? не имѣли ли вы съ ними переписки изъ Грузіи?

4) что говорили они вамъ о Пестелѣ и кто изъ нихъ предлагалъ вамъ познакомиться съ нимъ?

5) въ бытность вашу въ Кіевѣ видѣлись ли вы съ штабсъ-капитаномъ Корниловичемъ и что рассказывалъ онъ вамъ или писалъ о сдѣланномъ имъ на Югѣ открытіи?

6) при возвращеніи вашемъ въ Грузію гдѣ вы видѣлись съ *Сухачевымъ* (служившимъ въ Грузіи)? л. 22.

а) Давно ль вы съ нимъ знакомы и у кого бывали вмѣстѣ?

- б) что вамъ извѣстно отъ него, или по слухамъ, о предложеніи, какое онъ дѣлалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, о основаніи тайнаго общества въ отдѣльномъ Грузинскомъ Корпусѣ, и какія представлялъ онъ доказательства о возможности распространить тамъ членовъ сего общества?
- в) что извѣстно вамъ о намѣреніи Сухачева посѣлиться въ Ростовъ и о предпріятіи его ѣхать въ Таганрогъ? отъ кого и когда вы слышали или знали о семъ? л. 22
об.1..

2) *Отвѣты.*

На заданные мнѣ вопросы **ВЫСОЧАЙШЕ** учреж- л. 23
деннымъ Комитетомъ честь имѣю отвѣтствовать:

1) 2)

При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга сколько мнѣ помнится Бестужева вовсе не было въ городѣ, по крайнѣй мѣрѣ то вѣрно, что я съ нимъ тогда не видѣлся; ни онъ ни Рылѣевъ, и никто не дѣлалъ мнѣ никакихъ порученій въ Кіевѣ, ни писемъ, ни книгъ никто мнѣ не давалъ, ни на имя Муравьева, о которомъ я даже не зналъ, что онъ тамъ пребываетъ, ни на чье либо другое.

3)

Во время самого короткаго моего пребыванія въ Кіевѣ, одинъ Муравьевъ туда пріѣхалъ на встрѣчу къ женѣ, съ которою дни два, три или менѣе пробылъ въ одномъ трактирѣ со мною; потомъ они уѣхали. Другого я видѣлъ у Трубецкаго, все это было въ присутствіи дамъ, и мы можно сказать разстались едва знакомыми. Переписки я съ нимъ никогда не имѣлъ.

4)

О Пестелѣ ничего говорено не было.

5)

Съ Штабсъ-Капитаномъ Корниловичемъ я въ Кіевѣ не видѣлся.

7)

Я не знакомъ съ Сухачевымъ, и никогда не слышалъ о его существованіи.

Коллежскій Ассесоръ Грибоѣдовъ.

№ 18.

Записка о Грибоѣдовѣ.

Копія

л. 24.

О Коллежскомъ Ассесорѣ Грибоѣдовѣ.

На докладной запискѣ Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано: *Выпустить съ очистительнымъ аттестатомъ.*

Рукою барона Дибича присовокуплено: Высочайше повелѣно произвести въ слѣдующій чинъ и выдать не въ зачетъ годовое жалованье.

Коллежскій Ассесоръ Грибоѣдовъ не принадлежалъ къ обществу и о существованіи онаго не зналъ. Показаніе о немъ сдѣлано княземъ Евгениемъ Оболенскимъ I-мъ со словъ Рылѣва; Рылѣвъ же отвѣтилъ, что имѣлъ намѣреніе принять Грибоѣдова; но не видя его наклоннымъ ко вступленію въ общество, оставилъ свое намѣреніе. Всѣ прочіе его членомъ не почитаютъ.

Вѣрно. Надворный Совѣтникъ А. Ивановскій.

II.

17 декабря 1825 года императоръ Николай Павловичъ подписалъ оставшійся неопубликованнымъ указъ на имя военнаго министра. Этимъ указомъ учреждался комитетъ для слѣдственныхъ изысканій о злоумышленныхъ обществахъ, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра графа Татищева. Членами комитета или, какъ обыкновенно говорили, слѣдственной комиссіи были назначены: великій князь Михаилъ Павловичъ, князь Голицынъ и генералъ-адъютанты: Голенищевъ-Кутузовъ, Бенкендорфъ и Левашовъ. Впослѣдствіи къ нимъ были присоединены дежурный генералъ Потаповъ, начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ и Чернышевъ. Комиссіа дѣятельно принялась за розыски. Журналы комиссіи представлялись Государю, и всѣ исходящія бумаги подписывались военнымъ министромъ. На первыхъ же порахъ комиссіи пришлось сдѣлать очень много постановленій объ арестѣ и привлеченіи къ дѣлу. Заподозрѣнные свозились въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Фамилія Грибоѣдова въ первый разъ въ комитетѣ была произнесена 23 декабря. Князю Трубецкому былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „не существуетъ ли подобныхъ (т. е. тайныхъ) обществъ въ отдѣльныхъ корпусахъ и въ военныхъ поселеніяхъ и не извѣстны ли вамъ ихъ имена?“ Трубецкой далъ слѣдующій отвѣтъ: „Мнѣ неизвѣстно, чтобы подобныя общества существовали въ отдѣльныхъ корпусахъ или въ военныхъ поселеніяхъ. Я знаю только, что въ 1 корпусѣ есть полковникъ Вольскій, съ которымъ я не

знакомъ. Въ другихъ же корпусахъ я наименовалъ кого зналъ. Генераль-маюръ Волконскій говорилъ мнѣ, что есть или должно быть, по его предположенію, какое то общество въ Грузинскомъ корпусѣ, но онъ неудовлетворительно о томъ говорилъ и кажется располагалъ на однихъ догадкахъ. Я знаю только Рылѣва, что онъ принялъ въ члены Грибоѣдова, который состоитъ при генералѣ Ермоловѣ; онъ былъ лѣтомъ въ Кіевѣ, но тамъ не являлъ себя за члена; это я узналъ въ нынѣшній мой пріѣздъ сюда“.

Очевидно, это показаніе и дало поводъ привлечь къ дѣлу Грибоѣдова. Въ журналахъ комиссіи этотъ поводъ указанъ невѣрно. Въ протоколѣ IX засѣданія 26 декабря сказано, что комиссія, выслушавъ письменные отвѣты Рылѣва и допросъ кап.-лейт. Бестужева и штабсъ-капит. Бестужева, положила взять подъ арестъ цѣлый рядъ лицъ, оказывающихся по ихъ показаніямъ соучастниками въ обществѣ мятежниковъ, и въ томъ числѣ Грибоѣдова. Какъ видно изъ письменныхъ отвѣтовъ Рылѣва и Александра Бестужева, данныхъ правда значительно позже, и тотъ и другой были далеки отъ оговора Грибоѣдова. Очень трудно допустить оговоръ со стороны Николая Бестужева какъ по содержанию его позднѣйшихъ показаній въ комиссіи, такъ и по его личному характеру. Несомнѣнно, что комиссія ошибочно выставила не настоящее основание для приказа объ арестѣ—показаніе Трубецкого. Уже 27 декабря послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на приведеніе въ исполненіе постановленія комиссіи ¹⁾.

Пока шла бумага объ арестѣ Грибоѣдова на Кавказъ къ Ермолову, пока его везъ фельдъегеръ, слѣдственная комиссія добыла слѣдующій матеріалъ для обвиненія Грибоѣдова.

21 Января 1826 года князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій обратился къ Государю съ всеподданнѣйшимъ пись-

¹⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы указать на ложныя сообщенія Д. И. Завалишина въ его „Воспоминаніи о Грибоѣдовѣ“ (Древняя и новая Россія, 1879, т. 1 кн. 4 стр. 311 и слѣд.). Онъ причисляетъ А. Б. (конечно, Александра Бестужева) къ тѣмъ членамъ, которые не славились ни скромностію, ни твердостію характера. „При первомъ же спросѣ ген. Левашовымъ—пишетъ Д. И. Завалишинъ, — А. Б... написалъ цѣлый списокъ именъ, включивъ въ число членовъ тайнаго общества даже и такихъ лицъ, которыхъ считалъ членами только по догадкѣ, хотя они не были ими. По такому валовому списку были именно арестованы и я, какъ сказалъ мнѣ самъ ген. Левашовъ (при первомъ арестованіи меня), и Грибоѣдовъ: но относительно его, А. Б... не могъ ничего представить кромѣ догадокъ“. Во-первыхъ, рядъ названныхъ Бестужевымъ лицъ вовсе не великъ: всего нѣсколько человекъ, которые и безъ того были бы взяты. Въ этомъ списокѣ нѣтъ Грибоѣдова. Во-вторыхъ, показанія Бестужева о Грибоѣдовѣ (№ 6) исключаютъ всякую возможность предположенія Д. И. Завалишина. Самъ же Завалишинъ былъ взятъ вторично по доносу собственнаго родного брата.

можъ. Замѣчательно цѣльный и искренній человекъ, онъ не вынесъ формальностей слѣдствія и совершенно не былъ въ состоянїи остаться на обычной точкѣ зрѣнїя подслѣдственныхъ, говорить лишь немного, умалчивать о многомъ, и поэтому рѣшилъ сказать все, что онъ зналъ. Онъ писалъ:

Ваше Императорское Величество
Всемилоостивѣйшій Государь!

Удостоившись получить нынѣ прошеніе Царя Небеснаго и предстать ему съ успокоенною совѣстью, я первымъ долгомъ поставляю пасть къ ногамъ твоимъ, Государь Всемилоостивѣйшій, и просить тебя не земного, но душевнаго христіанскаго прошенія. Какъ вышній мой судія земной накажи меня за поступки мои: съ терпѣніемъ и любовью снесу я бремя тобою на меня наложенное; но какъ отецъ твоихъ подданныхъ возри на мое сердце, на мои намѣренія и если въ первомъ ты не найдешь злобы, въ послѣднихъ своекорыстія, то изреки прошеніе въ душѣ заблудшему сыну твоему. Я можетъ быть никогда не удостоюсь услышать сіе слово отъ тебя: но вѣрь, о Государь, что я нынѣ, по чувствамъ моимъ, достоинъ онаго.

Нынѣ одна вина осталась у меня предъ тобою. Доселѣ я представилъ комитету, тобою учрежденному, только имена тѣхъ членовъ нашего общества, коихъ скрыть мнѣ было невозможно по поступкамъ ихъ, или личнымъ сношеніямъ: прочіе остались скрыты въ сердцѣ моемъ. Мое молчаніе ты счелъ можетъ быть, о Государь, преступнымъ упорствомъ. Осмѣливаюсь самого тебя поставить судьей поступка моего. Члены общества, принявъ меня въ сотоварищи свои, честному слову моему и клятвенному обѣщанію ввѣрили честь, благоденствіе и спокойствіе, какъ каждаго изъ нихъ, такъ и семействъ, къ коимъ они принадлежатъ. Могъ ли я тою самою рукою, которая была имъ залогомъ вѣрности, предать ихъ суду, тобою назначенному, для сохраненія жизни своей или уменьшенія нѣсколькими золотниками того бремени, которое промысломъ Всевышняго на меня наложено. Государь, я не въ силахъ былъ исполнить сей жестокой обязанности, но вѣра, примиривъ меня съ совѣстію моею, вмѣстѣ съ тѣмъ представила высшія отношенія мои; милосердіе же твое, о Государь, меня побѣдило. Въ то время когда я лишился всѣхъ надеждъ, когда темница сдѣлалась мой міръ, а голыя стѣны оной—товарищами моей жизни, маніемъ благотворной руки твоей, письмо отца моего, какъ ангель-утѣшитель, принесло спокойствіе и отраду души моей. Благодѣянїе твое, монархъ милосердый, возрѣніе твое на мольбу семидесятилѣтняго старца—останется незабвеннымъ въ душѣ моей. И потому, видя въ тебѣ не строгаго судью, но отца милосердаго, я, съ твердымъ упованіемъ на благость твою, повергаю тебѣ жребій чадъ твоихъ, которые не поступками, но желаніями сердца могли заслужить твой гнѣвъ.

Прости, о Государь, если я на нѣсколько минутъ обратилъ вниманіе твое на несчастнаго страдальца; но гласъ совѣсти моей былъ для меня выше всѣхъ земныхъ приличій, и потому воззри милосердымъ окомъ,

Всемиловѣйшій Государь
на вѣрноподданнаго твоего
князя Евгенія Оболенскаго.

21-го Января 1826 года.

Къ этому письму былъ приложенъ длинный списокъ всѣхъ бывшихъ членами тайнаго общества; въ ихъ числѣ былъ записанъ и Грибовдовъ. О немъ князь Оболенскій сообщалъ, что „онъ былъ принятъ въ члены общества мѣсяца два или три предъ 14 декабря, и вскорѣ потомъ уѣхалъ; почему дѣйствій его въ обществѣ совершенно не было“.

Наконецъ, 30 января нѣкоторыя свѣдѣнія о Грибовдовѣ далъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, командиръ Ахтырскаго полка. Ему былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „кто именно былъ тотъ Грибовдовъ, съ которымъ вы пріѣхавъ къ Бестужеву (т. е. Бестужеву-Рюмину, въ Кіевѣ) нетерпѣливо желали видѣться съ Сергѣемъ Муравьевымъ, за которымъ Бестужевъ посылалъ нарочнаго, и въ чемъ заключались какъ предметъ требуемаго свиданія съ нимъ, такъ и взаимныя ваши разговоры?“. А. З. Муравьевъ отвѣчалъ: „Грибовдовъ котораго желалъ познакомиться съ Муравьевымъ тотъ самый, который при генералѣ отъ артиллеріи Ермоловѣ находится. Желаніе мое видѣть Сергея Муравьева тогда истинно было родственное и дружеское, касательно Грибовдова то говоря о моемъ братѣ, какъ о особенно умномъ человѣкѣ, и зная что Грибовдовъ предполагалъ остаться въ Кіевѣ, то хотѣлъ доставить ему этимъ удовольствіе. Съ Муравьевымъ Сергѣемъ я видѣлся тогда коротко, ибо онъ пріѣхалъ въ полдень и уѣхалъ на другое утро рано. Во время же его бытности сихъ нѣсколькихъ часовъ пріѣхала моя жена съ которою я 6 мѣсяцевъ не видался. При мнѣ разговоръ былъ общій, и не касающійся до общества“.

Три момента должны были привлечь вниманіе слѣдственной комиссіи: принадлежность къ обществу, цѣль пребыванія въ Кіевѣ и отношенія его къ предполагаемому тайному обществу въ корпусѣ генерала Ермолова.

III.

27 декабря 1825 года послѣдовало соизволеніе на арестъ Грибовдова. Только 2 января 1826 года было послано отношеніе, подписанное военнымъ министромъ, на имя Ермолова за № 52 слѣдующаго содержанія:

„По волѣ Государя Императора покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство приказать немедленно взять подъ арестъ служащаго при васъ чиновника Грибоѣдова со всѣми принадлежащими ему бумагами, употребивъ осторожность, чтобы онъ не имѣлъ времени къ истребленію ихъ, и прислать какъ оныя, такъ и его подъ благонадежнымъ присмотромъ въ Петербургъ прямо къ Его Императорскому Величеству“.

Ермоловъ въ январѣ 1826 года предпринялъ движеніе на Чечню. 21 января отрядъ изъ Червленной станицы выступилъ въ крѣпость Грозную. Сюда прибылъ Ермоловъ 22 вечеромъ. Въ этотъ же вечеръ въ Грозную прискакалъ фельдъегерь Уклонскій съ бумагой военного министра. Грибоѣдовъ былъ въ это время вмѣстѣ съ Ермоловымъ. Д. А. Смирновъ, хорошо освѣдомленный биографъ Грибоѣдова, со словъ его друга С. Н. Бѣгичева, рассказываетъ: „курьеръ, прискакавшій за Грибоѣдовымъ въ Екатериноградскую станицу, засталъ Ермолова за ужиномъ съ обычнымъ его обществомъ. Получивъ депешу, Ермоловъ вышелъ въ другую комнату прочесть ее и сейчасъ позвалъ туда Грибоѣдова. „Ступай домой и сожги все, что можетъ тебя компрометировать“—сказалъ онъ. „За тобой прислали, и я могу дать тебѣ только часть времени“. Грибоѣдовъ ушелъ и, послѣ назначеннаго срока, Ермоловъ пришелъ арестовать его со всей толпой—съ начальникомъ штаба и адъютантами. Часть бумагъ Грибоѣдова была въ крѣпости Грозной,—Ермоловъ далъ предписаніе коменданту взять ихъ и вручить курьеру ¹⁾. Д. В. Давыдовъ въ своихъ запискахъ имѣетъ въ виду этотъ эпизодъ, говоря, что „Ермоловъ спасъ Грибоѣдова отъ послѣдствій одного весьма важнаго дѣла, котораго могли бы быть для Грибоѣдова весьма непріятны“ ²⁾. Очевидецъ ареста Шимановскій также утверждаетъ, что Грибоѣдову удалось уничтожить компрометирующія бумаги; „если бы бумаги Грибоѣдова уцѣлѣли, то онъ не возвратился бы изъ Петербурга“ ³⁾. Рассказъ Шимановскаго объ обстоятельствахъ ареста исполненъ крупныхъ неточностей: онъ, напр., относитъ его къ 28 декабря 1825 года. Но вообще можно считать установленнымъ, что Грибоѣдовъ былъ предупрежденъ объ арестѣ.

Но дѣйствительно ли уничтоженные бумаги были такъ опасны для Грибоѣдова? Г. Вейденбаумъ въ своей статьѣ

¹⁾ Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности. Вып. 2-й, М. 1868, отд. 2, стр. 22. Въ рассказѣ Смирнова нѣкоторая путаница: Грибоѣдовъ былъ взятъ въ Грозной, а часть его бумагъ находилась во Владикавказѣ.

²⁾ Сочиненія Д. В. Давыдова. Ред. А. О. Круглаго. Спб. 1893 г. кн. 2, стр. 196.

³⁾ Русск. Арх. 1875, т. II (кн. 7), стр. 213.

объ арестѣ Грибоѣдова, написанной по архивнымъ даннымъ, сомнѣвается въ этомъ ¹⁾, указывая, между прочимъ, и на то, что извѣстіе о событіяхъ 14 декабря было получено Ермоловымъ 24 декабря и, слѣдовательно, Грибоѣдовъ имѣлъ возможность уничтожить ихъ и раньше. Какого же содержанія могли быть бумаги? Компрометировать Грибоѣдова могла только переписка, и ее то онъ и уничтожилъ. Она, дѣйствительно, могла бы осложнить его дѣло.

Какъ бы тамъ ни было, 22-го же вечеромъ былъ произведенъ арестъ Грибоѣдова и осмотръ его бумагъ. Всѣ бумаги были опечатаны и сданы подъ расписку фельдгегерю; вещи и книги Грибоѣдовъ получилъ обратно. Сохранился списокъ найденныхъ у него книгъ: въ немъ нѣтъ ни одной книги, которая намекала бы на то, что ее владѣлецъ интересуется злободневными социальными вопросами. Въ его чемоданѣ нашли: Словарь россійской академіи, сочиненія Державина, Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, Описаніе Кіево-Печерской лавры, краткое описаніе Кіева, Народныя сербскія пѣсни, Сербскій словарь, Старинныя малороссійскія пѣсни, Кіевскіе святцы, Путешествіе по Тавридѣ и одну греческую книгу. Въ Владикавказѣ, гдѣ курьеръ получилъ еще часть бумагъ Грибоѣдова, тоже нашлись книги, именно: Родословная исторія о татарахъ Абульгази, исторія Бургундіи, Правила славянскаго языка Добровскаго и Зендавеста въ нѣмецкомъ переводѣ. Тутъ же оказалась топографическая карта Крыма. Очевидно, всѣ эти книги ѣхали съ Грибоѣдовымъ изъ Петербурга.

23 Января Ермоловъ секретно сообщалъ барону Дибичу: „Военный министръ сообщилъ мнѣ Высочайшую Государя Императора волю взять подъ арестъ служащаго при мнѣ коллежскаго ассесора Грибоѣдова и подъ присмотромъ прислать въ Петербургъ, прямо къ Его Императорскому Величеству. Исполнивъ сіе, я имѣю честь препроводить Грибоѣдова къ Вашему Превосходительству. Онъ взять такимъ образомъ, что не могъ истребить находившихся у него бумагъ; но таковыхъ при немъ не найдено, кромѣ весьма немногихъ, кои при семъ препровождаются. Если же впослѣдствіи могли бы быть отысканы оныя, то я всѣ таковыя доставлю. Въ заключеніе имѣю честь сообщить, что Грибоѣдовъ, во время служенія его въ миссіи нашей при персидскомъ дворѣ и потомъ при мнѣ какъ въ нравственности своей, такъ и въ правилахъ не былъ замѣченъ развратнымъ и имѣетъ многія хорошія качества“.

23 января фельдгегеръ Уклонскій вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ выѣхалъ изъ Грозной въ Екатеринодаръ, здѣсь имъ

¹⁾ См. Вейденбаумъ. Кавказскіе этюды. Тифлисъ 1901, стр. 261—267.

пришлось ожидать, пока придутъ чемоданы Грибоѣдова, находившіеся въ Владикавказѣ. Только 30 января фельдъегерь и Грибоѣдовъ выѣхали изъ Екатеринодара. Фельдъегерь оказался покладистымъ человѣкомъ, и ѣхать съ нимъ было не особенно тяжело. Въ Москву прибыли въ первыхъ числахъ февраля. Вотъ какъ С. Н. Бѣгичевъ рассказывалъ Д. А. Смирнову объ этомъ пребываніи Грибоѣдова въ Москвѣ:

„Грибоѣдовъ, чтобы не испугать меня, проѣхалъ прямо въ домъ брата моего, Дмитрія Никитича, въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Пятницы-Божедомской. Въ этотъ самый день у меня былъ обѣдъ: родные съѣхались провожать брата моей жены А. Н. Барышникова, возвращавшагося изъ отпуска на службу. Дм. Никитичъ долженъ былъ обѣдать у меня же. Ждали мы его, ждали и наконецъ съѣли са столъ. Вдругъ мнѣ подають отъ брата записку такого содержанія: „Если хочешь видѣть Грибоѣдова, пріѣзжай: онъ у меня“. Я, ничего не подозрѣвая, на радостяхъ, сказалъ эту вѣсть во всеулышаніе. Родные, зная мои отношенія къ Грибоѣдову, сами стали посылать меня на это, такъ неожиданно пришедшее свиданіе. Я отправился. „Вхожу въ кабинетъ къ брату—накрыть столъ; сидятъ и обѣдаютъ: Грибоѣдовъ, братъ и еще какая то безволосая фигурка въ курьерскомъ сюртукѣ“.

„Увидѣлъ я эту фигурку, и меня обдало холоднымъ потомъ, Грибоѣдовъ смекнулъ дѣло и сейчасъ же нашелся. „Что ты смотришь на него?“ сказалъ онъ мнѣ. „Или думаешь, что это... такъ... просто курьеръ? Нѣтъ, братецъ, ты не смотри, что онъ курьеръ—онъ происхожденія знатнаго: это испанскій грандъ донъ Лыско Плѣшивось да Париченца?“ Этотъ фарсъ разсмѣшилъ меня и показалъ въ какихъ отношеніяхъ находился Грибоѣдовъ къ своему тѣлохранителю. Мнѣ стало нѣсколько легче. Отобѣдали, говорили. Грибоѣдовъ былъ веселъ и совершенно покоенъ. „А что, братецъ“, сказалъ онъ тѣлохранителю, — „вѣдь у тебя здѣсь родные, ты бы съѣздилъ повидаться съ ними“. Тѣлохранитель былъ очень радъ, что Грибоѣдовъ его *отпускаетъ*, и сейчасъ уѣхалъ“.

„Первымъ моимъ вопросомъ было выраженіе удивленія, какими судьбами и по какому праву распоряжается онъ и временемъ, которое уже не принадлежало и особю своего тѣлохранителя. „Да что!“ отвѣчалъ онъ мнѣ — „я сказалъ этому господину, что если онъ хочетъ довести меня живого, такъ пусть дѣлаетъ то, что мнѣ угодно. Не радость же мнѣ въ тюрьму ѣхать!“

„Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву около 4 час. пополудни и выѣхалъ въ 2 часа ночи.“

„На третій день я отправился къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ (матери Грибоѣдова), и та съ обыкновенной своей заносчивостью, съ первыхъ же словъ, начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ и проч. и проч. Проѣздомъ черезъ Тверь, какъ я узналъ отъ него послѣ, онъ опять остановился: у тѣлохранителя оказалась тамъ сестра, къ которой они и вѣхали. Грибоѣдовъ, войдя въ комнату, увидалъ фортепьяно и,—глубокой музыкантъ въ душѣ,—не вытерпѣлъ и сѣлъ къ нему... Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента!

„По приѣздѣ въ Петербургъ, курьеръ привезъ его въ Главный Штабъ и сдалъ и его и пакетъ дежурному офицеру. Пакетъ лежалъ на столѣ... Грибоѣдовъ подошелъ, взялъ его. . пакетъ исчезъ...

„Имя Грибоѣдова было такъ громко, что по городу сейчасъ же пошли слухи: „Грибоѣдова взяли! Грибоѣдова взяли!“ ...

IV.

Грибоѣдовъ прибылъ въ Петербургъ 11 февраля 1826 г. Генераль-адъютантъ Потаповъ 11 февраля доносилъ секретно Военному Министру: „Имѣю честь донести Вашему Высокопревосходительству, что сего числа привезенъ изъ крѣпости Грозный коллежскій ассессоръ Грибоѣдовъ, который и отправленъ къ Ген.-адъютанту Башуцкому для содержанія подъ арестомъ въ Главной Гаупвахтѣ“.

Въ Главной Гаупвахтѣ, въ зданіи Главнаго Штаба Грибоѣдовъ содержался все время своего заключенія. Сюда свозили арестованныхъ, послѣ того какъ крѣпость была переполнена, и оставляли здѣсь всѣхъ тѣхъ, кто, по ходу слѣдствія, оказывался мало или совсѣмъ не причастнымъ къ дѣлу. Условія заключенія въ Главномъ Штабѣ были довольно сносны; заключенные могли входить въ сношенія другъ съ другомъ и даже съ находящимися на волѣ, могли тайно переписываться и т. д. Надзоръ за сидѣвшими въ штабѣ былъ порученъ армейскому офицеру Жуковскому, который былъ легко доступенъ подкупу.

Когда Грибоѣдовъ былъ доставленъ въ штабъ онъ нашелъ здѣсь, по показанію Д. И. Завалишина, цѣлую группу лицъ: генерала Кальма, графа Мошинскаго, гвардейскаго полковника Сенявина, братьевъ А. и Н. Н. Раевскихъ, князя Баратаева, полковника Любимова, кн. Шаховскаго, Д. И. Завалишина и др.

По разказу Д. И. Завалишина, вообще не отличающемуся точностью подробностей, полковникъ Любимовъ за десять тысячъ рублей предложилъ Жуковскому выкрасть изъ его дѣла компрометирующія его бумаги. Жуковскій это сдѣлалъ и, понятно, оказался въ большей зависимости отъ

заключенныхъ, чѣмъ они отъ него. Достоверно во всякомъ случаѣ то, что Жуковскій не прочь былъ дѣлать снисхожденія и даже нарушенія тюремныхъ правилъ. Ѳ. В. Булгаринъ сохранилъ записочки, которыя тайно пересылалъ къ нему Грибоѣдовъ изъ своего заключенія. Въ одной онъ убѣждалъ его познакомиться съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ: „nous“ sommes camarades comme cochons—писалъ Грибоѣдовъ—можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть“. Изъ другой записочки видно, что Жуковскій не брезгалъ и малымъ: Грибоѣдовъ просилъ Булгарина раздобыть ему для Жуковского народное изданіе Крылова, которое Жуковскій собирался подарить въ именины какой-то знакомой ему дамочкѣ. Снисходительность офицера доходила до того, что они водилъ Грибоѣдова и Завалишина въ кондитерскую Лоредо на углу Невскаго и Адмиралтейской площади. Здѣсь Грибоѣдовъ услаждалъ его слухъ игрой на фортепiano.

Прежде чѣмъ предстать передъ слѣдственной комиссіей, всякій арестованный долженъ былъ дать первыя показанія немедленно же по арестованіи или по прибытіи въ Петербургъ члену комитета. Обыкновенно первый допросъ снималъ генералъ-адъютантъ Левашовъ; по большей части, онъ собственноручно или же писарь записывали первыя показанія, а допрашиваемый только подписывался. Затѣмъ Левашовъ передавалъ бумагу въ комитетъ, который ее „заслушивалъ“. Слѣдующіе допросы велись въ засѣданіяхъ комитета или комиссіи. Комиссія разспрашивала привлеченнаго и изрѣдка заставляла его тутъ же записывать свои слова, но въ большинствѣ случаевъ допрошенный отпускался въ мѣсто своего заключенія и вечеромъ получалъ въ запечатанномъ пакетѣ вопросные листы. Отвѣты привлеченный тоже запечатывалъ и отправлялъ въ комитетъ, въ присутствіи котораго они читались. Эти приблизительныя свѣдѣнія о порядкѣ производства слѣдствія необходимы для разрушенія нѣкоторыхъ ложныхъ представленій.

Мы уже видѣли, что далеко не всѣ бумаги Грибоѣдова были взяты, но кое что, какъ это видно изъ донесенія Ермолова, было отправлено вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ въ Петербургъ. Д. А. Смирновъ рассказываетъ, что Грибоѣдовъ умѣло „изъялъ изъ обращенія“ пакетъ съ послѣдними бумагами, какія оставались до сихъ поръ не уничтоженными. Мы пересмотрѣли все производство комиссіи и нигдѣ слѣда не нашли какихъ-либо бумагъ Грибоѣдова: ни во входящихъ журналахъ, ни въ дѣлахъ по возвращенію отобранныхъ вещей и бумагъ.

Грибоѣдовъ 11 февраля былъ доставленъ въ Главный Штабъ и 11-го—надо думать—былъ снятъ генераломъ Левашовымъ первый допросъ, потому что, 15 февраля Грибоѣдовъ въ всеподданнѣйшемъ письмѣ могъ сказать: „я былъ

притащенъ на перекладныхъ, здѣсь посаженъ подъ карауль, потомъ позванъ къ генералу Левашову... отъ него отправленъ съ обѣщаніемъ скорого освобожденія. Между тѣмъ дни проходятъ, а я запертъ". О первомъ допросѣ сохранилась легенда. Д. А. Смирновъ со словъ Бѣгичева сообщаетъ: „Допрашивать его водили въ крѣпость. На первомъ же допросѣ, Грибоѣдовъ началъ, письменно отвѣчая на данные ему вопросные пункты, распространяться о заговорѣ и заговорщикахъ: „я ихъ зналъ всѣхъ и проч.“ Въ эту минуту къ его столу подошло одно очень влиятельное лицо и взглянуло на бумагу. „Алекс. Сергѣевичъ! Что вы пишете!“ сказалъ подошедшій. „Пишите: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю“. Грибоѣдовъ такъ и сдѣлалъ, да еще написалъ отвѣтъ довольно рѣзкій: „За что меня взяли—не понимаю; у меня старуха мать, которую это убьетъ“ и проч. Д. И. Завалишинъ отвергаетъ правдивость этого разсказа и, соглашаясь что первымъ побужденіемъ Грибоѣдова было признать свои отношенія къ декабристамъ, утверждаетъ, что не начальствующее лицо, а арестованный полковникъ Любимовъ подаль мысль объ измѣненіи показанія въ совершенно противоположную сторону. „Когда Грибоѣдову принесли вопросные пункты, а онъ сталъ писать черновой на нихъ отвѣтъ—говоритъ Д. И. Завалишинъ,—то Любимовъ, подойдя къ нему, сказалъ: „я знаю изъ всѣхъ нашихъ здѣшнихъ разговоровъ, что дѣйствія относительно комитета предполагаются различныя, смотря по разнымъ у каждаго соображеніямъ, и личнымъ, и политическимъ. Не знаю, какой системы намѣрены держаться вы, но умъ хорошо, а два лучше. Не по любопытству, а для вашей же пользы я желалъ бы знать, на какой системѣ вы остановились? Помните, что первыя показанія особенно важны.. Въ отвѣтъ на это Грибоѣдовъ прочиталъ ему то, что успѣлъ уже написать. Прослушавъ написанное, Любимовъ съ живостію сказалъ ему: „что вы это! Вы такъ запутаете и себя, и другихъ. По нашему, по военному, не слѣдуетъ сдаваться при первой же атакѣ, которая окажется еще и фальшивою; да если и поведутъ настоящую атаку, то все-таки надо уступать только то, что удержатъ уже никакъ нельзя. Поэтому и тутъ гораздо вѣрнѣе обычный русскій отвѣтъ: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!“ и т. д. Д. И. Завалишинъ влагаетъ въ уста Любимову такую рѣчь, которая уже своею пространностью внушаетъ сомнѣнія въ ея подлинности.

При провѣркѣ оба разсказа—и Д. А. Смирнова, и Д. И. Завалишина—оказываются одинаково не соответствующими истинѣ. На первомъ же допросѣ 11 февраля Грибоѣдовъ отозвался полнѣйшимъ невѣдѣніемъ о существованіи общества и призналъ чисто литературныя знакомства съ Бестужевымъ, Рылѣевымъ и Оболенскимъ. Эти первыя показанія,

которыя даже не были написаны имъ собственноручно, а только подписаны, были даны въ обстановкѣ, не допускавшей посредничества не только Любимова, но и важнаго лица. Генераль Левашовъ спрашивалъ Грибоѣдова, онъ отвѣчалъ, а писарь записывалъ. Если Завалишинъ говоритъ о вопросныхъ пунктахъ, присланныхъ Грибоѣдову отъ комитета 24 февраля вечеромъ, то нѣтъ никакихъ основаній предположить, что Грибоѣдовъ рѣшилъ измѣнить свои показанія, признать свою освѣдомленность и свои отношенія. А только при такомъ предположеніи и допустимо вмѣшательство комитета. Это же соображеніе сохраняетъ свое значеніе и при оцѣнкѣ правдивости разсказа Д. А. Смирнова. Но, въ общемъ, этотъ разсказъ отразилъ дѣйствительность правды, чѣмъ сообщенія Завалишина, и сохранилъ память о дѣйствительномъ фактѣ если не сочувственнаго, то во всякомъ случаѣ совершенно не враждебнаго Грибоѣдову отношенія членовъ комитета. Быть можетъ, тутъ сыгралъ нѣкоторую роль и родственникъ Грибоѣдова Паскевичъ.

Планъ защиты, въ составленіи котораго совершенно излишнее допускать постороннюю инициативу, чрезвычайно характеренъ для Грибоѣдова. Грибоѣдовъ—умнѣйшій человекъ—взвѣшивалъ каждое свое слово и проектировалъ впечатлѣніе, которое оно должно было произвести на слушателей. Наивно было бы думать, что онъ сколько-нибудь искрененъ. Но онъ держалъ себя хладнокровно и нисколько не растерялся: недаромъ онъ выразился въ секретной запискѣ Булгарину: „бояться людей, значитъ баловать ихъ“. Онъ очень умѣло пошелъ по среднему пути между утверженіемъ и отрицаніемъ: не отрицая своего вольнодумства, онъ настаивалъ на своемъ невѣдѣніи существованіи и цѣляхъ общества. 15 февраля Грибоѣдовъ написалъ письмо къ Государю. Многіе изъ декабристовъ обращались къ Николаю Павловичу съ письмами: нѣкоторыя изъ нихъ были порывами искренняго раскаянія, какъ, напр., вышеприведенное письмо Оболенскаго; другія—воплемъ наболѣвшаго сердца отой общественной правды, которая была неизвѣстна Государю. Письмо Грибоѣдова—ни то, ни другое. Оно, въ нѣкоторомъ родѣ, результатъ художественнаго творчества. Писано оно въ расчетъ произвести опредѣленное впечатлѣніе на Государя; центральное мѣсто письма—воззваніе къ сыновней любви Государя. Грибоѣдовъ, дѣйствительно, очень любилъ свою мать и былъ послушнымъ сыномъ, который не огорчаетъ своей матери, но когда онъ писалъ о томъ, что мать не знаетъ объ его арестѣ, онъ говорилъ неправду. Его близкій другъ Бѣгичевъ, съ которымъ онъ видѣлся въ Москвѣ на пути въ Петербургъ, на третій же день послѣ его отъѣзда отправился къ матери Грибоѣдова: „та съ обыкновенной своей заносчивостью съ первыхъ же словъ начала ру-

гать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ и пр. пр.". Ужъ Бѣгичеву-то Грибовдовъ долженъ былъ посовѣтовать скрывать отъ матери его арестъ. Кромѣ расчитанной неискренности, въ этомъ письмѣ необходимо отмѣтить ярко выраженное сознание собственнаго достоинства; это сознание—неотдѣлимая черта личности Грибовдова—не покидало его въ теченіе всей его жизни, ни въ 1826 году, ни въ Персіи, въ моментъ его трагической кончины.

Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвело на Николая Павловича письмо Грибовдова, но во всякомъ случаѣ оно его не растрогало. Въ комиссію оно было передано 19 февраля и внесено во всходящій журналъ подъ № 662. Помѣта объ исполненіи: передано къ допросамъ

Грибовдовъ ждалъ результата своего письма: чувство-нетерпѣнія росло съ каждымъ днемъ. 17 февраля онъ писалъ Булгарину: „Меня здѣсь заперли, и я погибаю отъ скуки и невинности... Я писалъ къ Государю... ничего не отвѣчаетъ“. Въ слѣдующей запискѣ Грибовдовъ сообщаетъ, что онъ сидитъ и проклиняетъ своихъ гонителей. Но никакого утѣшенія по своему дѣлу Грибовдовъ не видѣлъ: его какъ будто забыли, и онъ начиналъ таки сомнѣваться въ исходѣ дѣла. У него вырвались въ запискѣ къ Булгарину слѣдующія слова: „кажется, что мнѣ воли еще долго не видать, и вѣроятно буду отправленъ съ фельдъегеремъ“.

Но комитетъ не бездѣйствовалъ: 14 и 19 февраля онъ отбиралъ показанія о Грибовдовѣ отъ тѣхъ лицъ, знакомство съ которыми онъ призналъ на допросѣ у генерала Левашова. Кн. Одоевскій, А. Бестужевъ, Рыльцевъ рѣшительно отвергали принадлежность Грибовдова къ тайному обществу. Они не отрицали того, что Грибовдовъ человѣкъ свободомыслящій, который не прочь разсуждать о перемѣнѣ правленія въ Россіи. Бестужевъ пояснялъ, что Грибовдовъ желалъ этого для свободы книгопечатанія въ Россіи и для русскаго платья. Допрошенные 19 февраля декабристы, которые могли бы дать свѣдѣнія о прикосновенности Грибовдова къ южному обществу, тоже рѣшительно отрицали его участіе.

Соотвѣтствовали ли дѣйствительности эти утвержденія? Весьма правдоподобны слова Завалишина: „въ стараніи товарищей не компрометировать Грибовдова не было также ничего особеннаго, исключительнаго. Это было лишь слѣдствіемъ напередъ условленнаго, общепринятаго правила, стараться не запутывать никого, кто не былъ еще запутанъ“. А Д. А. Смирновъ сохранилъ въ памяти слѣдующее объясненіе: „главные изъ заговорщиковъ, — фактъ въ высшей степени замѣчательный—уже сидѣвшіе по разнымъ угламъ, стало быть, не имѣвшие никакой возможности сговариваться, сказали одинаково, что Грибовдовъ въ заговорѣ не участвовалъ, и что они не старались и привлекать его къ заговору,

который всего скорѣй могъ имѣть очень дурной исходъ, потому что берегли челоуѣка. который своимъ талантомъ могъ прославить Россію“.

Обстоятельства складывались весьма благопріятно для Грибоѣдова, и наконецъ 24 февраля онъ былъ вызванъ въ комитетъ и давалъ предъ нимъ устные показанія. Вечеромъ ему были присланы вопросные пункты, и вечеромъ же Грибоѣдовъ написалъ свои отвѣты, опять очень обдуманые и тонко рассчитанные. На нихъ слѣдуетъ остановиться, потому что въ нихъ есть черточка его личности. Онъ давалъ свободную, согласную съ нашими свѣдѣніями, оцѣнку своей личности, когда говорилъ, что при всемъ своемъ свободомыслии онъ далекъ отъ образа дѣйствій 14 декабря, что онъ не ораторъ возмущенія. Тонкой ироніей, отъ которой Грибоѣдовъ не могъ избавиться даже и въ официальныхъ сношеніяхъ, звучатъ строки его отвѣта: „я же не только не способенъ быть ораторомъ возмущенія, много если предаюсь избытку искренности въ тѣсномъ кругу людей кроткихъ и благомыслящихъ, терпѣливо ожидая времени, когда моя служба или имя писателя обратятъ на меня вниманіе Вышняго Правительства!“

Грибоѣдовъ былъ глубоко вѣренъ себѣ, когда давалъ объясненія о русскомъ платьѣ. Любопытно, что коммиссія заинтересовалась свидѣтельствомъ Бестужева о пристрастіи Грибоѣдова къ русскому платью и увидѣла въ этомъ что-то подозрительное. А. Грибоѣдовъ отвѣчалъ очень просто: „русскаго платья желалъ я, потому что оно красивѣе и покойнѣе фракъ и мундировъ, и вмѣстѣ съ этимъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ“. Это показаніе передъ тайнымъ комитетомъ невольно вызываетъ въ памяти извѣстный монологъ Чацкаго въ гостинной Фамусова. Чацкій жалуется на пристрастіе къ иностранной одеждѣ:

И чѣмъ нашъ сѣверъ лучше сталъ,
 Что все завѣтное наслѣдье промѣнялъ?
 И нравы, и языкъ, и старину святую,
 И величавую одежду на другую—
 По шутовскому образу,
 Хвостъ сзади; спереди какой-то чудный

выемъ! и т. д.

А черезъ нѣсколько стиховъ Чацкій восклицаетъ:
 Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ?
 Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ,
 Хотя по языку насъ не считалъ за нѣм-
 цевъ! ¹⁾

¹⁾ Рукопись комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“ М. 1903 стр. 93. Рукопись очень удачно восстанавливаетъ вмѣсто читавшагося до сихъ поръ „добрый“—бодрый.

Эта фраза показанія еще разъ иллюстрируетъ архаическое своеобразіе міросозерцанія Грибоѣдова. Правда, отсюда еще далеко до обобщающаго положенія о Грибоѣдовѣ—славянофилѣ. Любовь къ русскому платью, конечно, характерна, но не менѣе характерно и его желаніе государственныхъ преобразованій для свободы книгопечатанія, о которомъ говорилъ на допросѣ Рылѣевъ.

Какъ понимать отвѣтъ Грибоѣдова на вопросъ: съ какою цѣлью онъ желалъ свободы книгопечатанія въ Россіи? Врядъ ли онъ былъ искрененъ, когда въ своемъ отвѣтѣ онъ вносилъ поправку въ показанія Бестужева: „я говорилъ не о безусловной свободѣ книгопечатанія, желалъ только чтобы оно не стѣснялось своенравіемъ иныхъ цензоровъ“. Мы склонны заподозрить искренность этого показанія Грибоѣдова по весьма простой причинѣ: именно онъ, больше, чѣмъ кто-либо другой, могъ видѣть, что дѣло все таки не въ своенравіи цензоровъ, а въ институтѣ цензуры. „Горе отъ ума“ не видѣло долгое время печати не изъ-за своенравія отдѣльныхъ цензоровъ, а по соображеніямъ общимъ, лежащимъ въ основѣ цензурнаго института. А какъ остро чувствовалъ Грибоѣдовъ пораженія, наносимыя ему цензурой, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующей записки, найденной проф. И. А. Шляпкинымъ въ Берлинѣ: „Напрасно, братъ, все напрасно. Я что пріѣхалъ отъ Фока, то съ помощію негодованія, своего и Одоевскаго, изорвалъ въ клочки не только эту статью, но даже всякій писанный листокъ, который только былъ подъ руками“¹⁾.

До сихъ поръ мы останавливались на теоретической сторонѣ показанія Грибоѣдова; перейдемъ къ разбору его фактическаго матеріала.

И такъ всѣ показанія участниковъ заговора о принадлежности Грибоѣдова къ ихъ союзу были очень благопріятны для него, за исключеніемъ отвѣта кн. Оболенскаго. Если бы комитетъ оцѣнилъ безграничную искренность показаній кн. Оболенскаго, онъ придалъ бы болѣе вѣры его свидѣтельству о принадлежности Грибоѣдова къ обществу. Кн. Оболенскій въ письмѣ къ Государю утверждалъ, что Грибоѣдовъ былъ принятъ въ члены общества мѣсяца за два или три до 14 декабря и вскорѣ потомъ уѣхалъ. Грибоѣдовъ же совершенно отрицалъ это свидѣтельство и высказывалъ предположеніе, не основано ли оно на томъ, что за три дня до своего отъѣзда онъ былъ выбранъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности, какъ будто кн. Оболенскій могъ смѣшать тайное общество съ литературнымъ Комитетъ переспросилъ кн. Оболенскаго: на этотъ разъ онъ объяснилъ, что о принятіи Грибоѣдова онъ слы-

¹⁾ Вѣст. Всемирн. Исторіи 1900 № 6.

шалъ отъ Рылѣва, но времени въ точности не помнитъ, за мѣсяцъ или за два до отъѣзда Грибоѣдова отсюда.

Мы навели справку въ бумагахъ Общества любителей россійской словесности, хранящихся въ Академіи Наукъ, и нашли слѣдующія данныя объ избраніи Грибоѣдова въ члены этого общества. Онъ былъ предложенъ въ члены этого общества Д. М. Княжевичемъ 8 декабря 1824 года и подвергся баллотировкѣ въ засѣданіи 15 декабря. Въ этомъ засѣданіи присутствовали предсѣдатель общества Ѡ. Н. Глинка, секретарь А. А. Никитинъ, секретарь цензурнаго комитета П. А. Плетневъ, бібліотекаръ И. К. Аничковъ, казначей И. Д. Горяиновъ, члены цензураго комитета—Н. А. Бестужевъ, Н. Г. Чеславскій и дѣйствительные члены А. М. и В. М. Княжевичи и С. С. Шаплетъ. Въмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ баллотировались между прочимъ Мих. А. Дмитріевъ, Н. М. Языковъ, И. И. Козловъ, Д. М. Перевощиковъ, Н. М. Княжевичъ Конст. Петр. Торсонъ и др. Грибоѣдовъ былъ избранъ единогласно въ дѣйствительные члены. Объ избраніи было оповѣщено въ XXIX нннгѣ „Трудовъ Высочайше утвержденного вольнаго общества любителей россійской словесности“ въ отчетѣ о годичномъ собраніи этого общества 29 декабря 1824 года ¹⁾. Время отъѣзда Грибоѣдовъ изъ С.-Петербурга опредѣляется датами двухъ его писемъ къ С. Н. Бѣгичеву: одно—изъ С.-Петербурга отъ 18 мая 1825 года, другое—изъ Кіева отъ 4 іюня 1825-го же года. Слѣдовательно Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга во второй половинѣ мая.

Сопоставимъ эти данныя съ показаніями кн. Оболенскаго. Онъ ошибался въ первомъ своемъ отвѣтѣ, утверждая, что Грибоѣдовъ былъ принятъ мѣсяца за два или за три до 14 декабря; во второмъ онъ могъ быть правъ, говоря что Грибоѣдовъ былъ принятъ за мѣсяцъ или за два до его отъѣзда. Со стороны Оболенскаго эти неточности объясняются, конечно невольнымъ запямятованіемъ, но Грибоѣдовъ, очевидно полагаясь на то что его словъ провѣрять не стануть, сказалъ совершенную неправду о томъ, что онъ былъ принятъ въ члены литературнаго общества дня за два или за три до своего отъѣзда: мы уже видѣли, что онъ былъ принятъ въ члены общества любителей россійской словесности 15 декабря 1824 года, и уѣхалъ во второй половинѣ мая 1825 года. Забывчивостью Грибоѣдова никакъ нельзя объяснить этого разнорѣчія. Намъ кажется, можно объяснить противорѣчія показаній кн. Оболенскаго и Грибоѣдова,

¹⁾ ч. XXIX, 1825, стр. 211. Книга эта дозволена цензурой 1 января 1825 года. Грибоѣдовъ названъ ошибочно надворнымъ совѣтникомъ, тогда какъ въ это время онъ былъ лишь коллежскій ассессоръ (съ 17 янв. 1822 года); въ надворные же совѣтники былъ произведенъ указомъ отъ 8 іюня 1826 г. См. Русск. Обзор. 1895 № 3 стр. 392, 393.

только предположивъ, что Грибоѣдовъ былъ дѣйствительно принять въ члены тайнаго общества за нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Петербурга. Его участіе въ обществѣ вѣроятно всего было чисто номинальнымъ. Быть можетъ, при отъѣздѣ ему дали нѣкоторыя порученія въ Кіевѣ, къ членамъ южнаго общества.

Въ отвѣтахъ Грибоѣдова на вопросы о цѣли его пребыванія въ Кіевѣ тоже видно стремленіе свести значеніе поѣздки въ Кіевъ до *minimum'a*. На самомъ дѣлѣ, пребываніе Грибоѣдова вовсе не было „самымъ непродолжительнымъ“. Приѣхалъ онъ сюда въ самомъ концѣ мая, и 10 іюня былъ еще въ Кіевѣ; отъ этого числа онъ писалъ Одоевскому: „меня приглашаютъ неотступно въ Бердичевъ на ярмарку... Въ Любарѣ семейство Муравьевыхъ устраиваетъ самый пріятный пріемъ; боюсь сдать на ихъ вѣру, не скоро вернешься“. Можно думать, что знакомство съ Муравьевыми вовсе не было столь незначительнымъ и мимолетнымъ эпизодомъ, какимъ хотѣлъ выставить его Грибоѣдовъ.

Какъ бы тамъ ни было, члены Комитета, прочитавшіе 25 февраля отвѣты Грибоѣдова на вопросные пункты, остались совершенно удовлетворенными. У нихъ не было никакого сомнѣнія въ непринадлежности Грибоѣдова къ заговору. Даже скользкое показаніе объ избраніи его въ члены вольнаго общества любителей россійской словесности осталось не проѣреннымъ, хотя это и не трудно было сдѣлать, такъ какъ производителемъ дѣлъ въ коммисіи былъ нѣкто Ивановскій, позднѣе сподручный Бенкендорфа, который самъ былъ членомъ этого общества. Во всякомъ случаѣ, по прочтеніи отвѣтовъ Грибоѣдова, члены Комитета „положили объ его освобожденіи представить Его Величеству. Журналъ засѣданія былъ представленъ Николаю Павловичу, но онъ не согласился съ представленіемъ Комитета. На этомъ журналѣ рукою начальника штаба написано карандашемъ: „высочайше повелѣно Грибоѣдова продержатъ еще пока у Дежурнаго генерала“. Чѣмъ объяснить такое отношеніе Императора Николая? Не лишнее отмѣтить, что Николаю Павловичу Грибоѣдовъ былъ лично извѣстенъ. Грибоѣдовъ встрѣтился съ нимъ у Паскевича. Объ этой встрѣчѣ онъ писалъ Бѣгичеву 10 іюня 1824 года (Сочиненія Г., ред. Шляпкина, т. I стр. 185). Весьма вѣроятно, что, въ глазахъ Николая Павловича больше всего компрометировала Грибоѣдова его близость къ Ермолову, а къ Ермолову Государь относился въ высшей степени подозрительно. Эта неожиданная резолюція была выслушана Комитетомъ въ засѣданіи 7 марта. Можно себѣ представить, какъ она смутила членовъ Комитета и заставила ихъ думать, что Государю извѣстны скрытыя отъ нихъ вины Грибоѣдова. Резолюція нѣсколько отразилась на положеніи Грибоѣдова.

Очевидно, къ этому времени относится его записка къ Булгарину: „Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Карауль приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я Комитетомъ оправданъ на чисто, какъ стекло. Ивановскій, благороднѣйшій человѣкъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ обхождение со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совсѣмъ не то, которое имѣютъ съ подсудимыми. Казалось все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ вольнаго общества любителей словесности и много во мнѣ принималъ участіе. Расскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слечь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусь, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свѣдѣнія Ж, а тотъ перескажетъ А, а А найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale“¹⁾.

V.

Итакъ, Императоръ Николай Павловичъ оставилъ Грибоѣдова въ подозрѣніи. И наше предположеніе о томъ, что Николаю Павловичу Грибоѣдовъ казался подозрительнымъ въ силу своей близости къ Ермолову, подкрѣпляется характеромъ вопросовъ, предложенныхъ Грибоѣдову 15 марта.

Извѣстно, что Ермоловъ очень не нравился Николаю Павловичу и даже внушалъ въ немъ серьезныя опасенія. Уже 12 декабря 1825 года, въ самый день своего воцаренія Николай Павловичъ писалъ Дибичу, что онъ не будетъ спокоенъ, пока не получитъ извѣстій о присягѣ Ермолова и его корпуса. „Я виноватъ—писалъ государь—ему менѣе всѣхъ вѣрю“²⁾. Понятно, лишь только началось слѣдствіе заговора 14 декабря, тревожной заботой Николая Павловича и слѣдователей явилось желаніе выяснитъ размѣръ тайнаго движенія въ корпусѣ Ермолова и его прикосновенность. Матеріалъ для разслѣдованія дали показанія кн. Волконскаго; со словъ А. И. Якубовича, онъ утверждалъ, что въ Грузіи въ корпусѣ Ермолова существуетъ тайное общество, что Ермоловъ во главѣ его. Въ своихъ запискахъ Волконскій рассказываетъ, какъ онъ сошелся съ Якубовичемъ.

„На Кавказѣ—пишетъ онъ—я встрѣтился съ Якубовичемъ... При первомъ знакомствѣ съ нимъ я убѣдился, что опала, надъ нимъ разразившаяся, явныя, нескрываемыя прогрессивныя убѣжденія его и при этомъ заслуженное общее мнѣніе сослуживцевъ о немъ, какъ объ отличномъ боевомъ лицѣ, угнетенномъ опалой,— все это могло быть мнѣ руща-

¹⁾ Весьма вѣроятно, что Ж означаетъ Жандра, а А—кн. А. И. Одоевского.

²⁾ Исторія отношеній Николая I къ Ермолову изложена въ книгѣ Н. К. Шильдера, Николай I, жизнь и царствованіе Спб. 1903, т. II.

тельствомъ, что я встрѣчу въ немъ сочувствіе къ общему затѣянному дѣлу того общества, въ которомъ я былъ членомъ, и я рѣшился узнать отъ него, точно ли есть тайное общество на Кавказѣ и какая его цѣль? Постепенно ведя съ нимъ переговоры интимные, судя по его словамъ, я получилъ если не убѣжденіе, то довольно ясное предположеніе, что существуетъ на Кавказѣ тайное общество, имѣющее цѣлью произвести переворотъ политическій въ Россіи, и даже нѣкоторыя предположительныя данныя, что во главѣ онаго самъ А. П. Ермоловъ, и что участвуютъ въ ономъ большею частію лица, приближенныя къ его штабу. Это меня ободрило къ большей откровенности, и я уже безъ околичностей открылъ Якубовичу о существованіи нашего тайнаго общества и предложилъ ему, чтобы кавказское общество соединилось съ Южнымъ всѣмъ его составомъ. На это Якубовичъ мнѣ отвѣчалъ: „Дѣйствуйте, и мы тоже будемъ дѣйствовать, но каждое общество порознь, а когда придетъ пора приступить къ явному взрыву, мы тогда соединимся. Въ случаѣ неудачи вашей, мы будемъ въ сторонѣ, и тѣмъ будетъ еще зерно, могущее возродить новую попытку. У насъ на Кавказѣ и болѣе силы, а во главѣ чело-вѣкъ даровитый, извѣстный всей Россіи, а при неудачѣ общей, здѣсь край и по мѣстности отдѣльный, способный къ самостоятельности. Около васъ сила, вамъ, вѣроятно, не сручная, а здѣсь все наше по преданности общей къ Ермолову“¹⁾.

Кн. Волконскій повѣрилъ словамъ Якубовича и въ отчетѣ своемъ Верховной думѣ разсказалъ о кавказскомъ обществѣ. Тоже онъ разсказалъ и передъ Комитетомъ. Комитетъ произвелъ специальное разслѣдованіе объ обществѣ при кавказскомъ корпусѣ. Это разслѣдованіе обнаружило, что тайное общество существовало только въ головѣ пылкаго А. И. Якубовича. Конечно, прежде всего Комитетъ запросилъ его. Онъ отвѣчалъ 6 января слѣдующее: „Кня. С. Волконскій въ бытность свою на водахъ познакомился со мною, предлагалъ быть въ обществѣ, и хотѣлъ знать, есть ли въ Грузіи таковое-же? Ибо видѣлъ общее уваженіе ко мнѣ войскъ, и до-вѣренность начальства; я желалъ знать подробности, и съ кѣмъ буду имѣть дѣло, и въ чемъ будутъ состоять намѣренія. Для сего, чтобы вывѣдать, лгалъ князю; но я не принадлежу къ обществу и не знаю, есть-ли оно въ Грузіи. Радъ, что Высокій тайный Комитетъ знаетъ о существованіи такового въ Грузіи, ибо открывъ членовъ увидятъ мою невинность. Но я смѣялся надъ княземъ Сергѣемъ Волконскимъ, съ которымъ даже по его предложенію и въ сношенія по предметамъ общества не хотѣлъ входить... Но не отре-кись, я бредилъ вздоръ, который давно истребился изъ моей

¹⁾ Записки С. Г. Волконскаго Спб. 1901. стр. 415.

памяти, и сіи запросы только что возобновили оное. Клятвенно и честію обязуюсь, повергая себя возможнѣйшимъ истязаніямъ, что я не знаю о существованіи какого-либо общества въ Грузіи“.

Дальше были допрошены Пущинъ, кн. Оболенскій, капитанъ Муравьевъ, Рылѣевъ, кн. Трубецкой. Всѣ они отозвались полнымъ невѣдніемъ о существованіи общества на Кавказѣ. Кн. Трубецкой, между прочимъ, показывалъ: „Я спрашивалъ Рылѣева, принадлежитъ-ли Якубовичъ къ тайному обществу и есть-ли какія-либо въ корпусѣ генерала Ермолова? Рылѣевъ отвѣчалъ мнѣ, что Якубовичъ сего не открываетъ. Прибавилъ только, что у нихъ было намѣреніе уйти куда-то и сдѣлать сѣчу (подобно бывшимъ запорожцамъ), но у кого у нихъ, и кто они, и сколько ихъ, Рылѣевъ отозвался совершеннымъ незнаніемъ“.

Казалось, эти данныя полученныя въ первой половинѣ января 1826 года, должны были бы убѣдить Комитетъ, что никакого общества нѣтъ, но 15 марта Грибоѣдовъ призывался въ Комитетъ, и вопросы, предложенные ему здѣсь, позволяютъ сдѣлать заключеніе, что члены Комитета все еще тревожились за Грузію. Правда, новый поводъ къ тревогамъ подало дѣло Сухачева, о которомъ Грибоѣдову предложили цѣлый рядъ вопросовъ. Такъ какъ дѣло Сухачева совершенно неизвѣстно въ нашей литературѣ, а оно представляетъ интересъ, и бытовой и общественный, остановимся на немъ подробнѣе, чѣмъ это нужно для статьи о Грибоѣдовѣ.

Во время путешествія Александра Павловича въ Ростовѣ появился нѣкій Сухачевъ, служившій въ Грузіи по гражданской части. Образъ его жизни въ Ростовѣ показался тамошнему городничему весьма подозрительнымъ: Сухачевъ велъ жизнь самую уединенную, никого къ себѣ не принималъ, занимался письмомъ и чтеніемъ и имѣлъ библіотеку изъ 600 томовъ. Этихъ данныхъ оказалось совершенно достаточно для того, чтобы арестовать Сухачева и отправить его къ Таганрогскому градоначальнику Дунаеву. Дунаевъ разыскалъ въ вещахъ и бумагахъ Сухачева кинжалъ, пару pistols, ружье, саблю, злодѣйское клятвенное обѣщаніе, алфавитъ для тайной переписки, полученный имъ изъ Одессы, и нѣсколько писемъ, писанныхъ шифромъ. Таганрогскій градоначальникъ учинилъ Сухачеву допросъ. Приводимъ списокъ подлиннаго акта допроса.

„1826 года Марта 1-го дня уволенный изъ Бендерскаго малороссійскаго общества Василій Сухачевъ, доставленный къ его превосходительству господину таганрогскому градоначальнику отъ ростовскаго городничаго о жизни и бумагахъ сомнѣнію подвергающихся, по роду своему заключающихъ приверженность къ тайному обществу таганрогскою

градскою полиціею при бытности члена гражданскаго допрашиванъ и показаль.

Отъ роду мнѣ 28 лѣтъ, исповѣданія греко-россійскаго родился я Екатеринославской губерніи, въ городѣ Ново-московскѣ отъ отца, тогда бывшаго тамошнимъ купцомъ, Ивана, а матери Ирины Сухачевыхъ, коими въ 1809 или прежде того за годъ, настояще не припомню выведенъ съ другимъ моимъ меньшимъ братомъ Матвѣемъ въ Кишиневъ, должно бытъ, нынѣ находящимся, въ Бессарабію гдѣ въ сословіи бендерскаго малороссійскаго общества мы всѣ состояли, изъ коего въ концѣ 1823 года я и братъ мой уволены обществомъ для поступленія въ статскую службу и получили увольнительное свидѣтельство. По документу сему, въ копіи у меня имѣющемуся и въ Ростовѣ отобранному, засвидѣствованному въ верховномъ грузинскомъ правительствѣ по исполнительной экспедиціи, куда прибылъ я въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1824 года и изъ котораго подлинный таковой отосланъ въ правительствующій сенатъ съ испрошеніемъ опредѣленія меня на службу, каковою я тамъ приватно по опредѣленію экспедиціи и занимался, когда наконецъ, въ послѣдствіи времени, я видѣлъ изъ письма пріятели моего чиновника Котова, прежде служившаго въ Одесской таможнѣ, а нынѣ въ С.-Петербургѣ въ департаментѣ внѣшней торговли, что надежда моя по предмету сему есть тщетная, то въ 4 день Сентября 1825 года отъ занятія того уволенъ, и съ документомъ, отъ правительства полученнымъ, отправился тогда же въ Россію съ тѣмъ, чтобы доѣхать до Одессы, гдѣ до отъѣзда въ Грузію проживалъ семь лѣтъ, и тамъ употребить себя по прежнему въ дѣла коммерческія въ семь намѣреніи достигъ въ Новочеркасскъ 5-го Ноября и тутъ проживалъ въ домѣ казака Полесникова вмѣстѣ съ знакомымъ мнѣ издавна одесскимъ купеческимъ сыномъ Александромъ Протасовымъ въ должности приказчика по торговлѣ у тамошняго казака Алексѣя Мандрыкина находящимся, а 4 Декабря прибылъ въ Ростовъ собственно для того, чтобы распродать бібліотеку, которая заключается въ шести стахъ съ небольшимъ книгахъ, разныхъ лучшихъ сочинителей, и выруча за оную деньги, слѣдовать на оныя до Одессы; но какъ при прожитіи въ Ростовѣ продать книгъ я не могъ и издержался до крайности, то позаимствовалъ у вышесказаннаго Протасова сто рублей, для чего, предъ взятіемъ нынѣ меня ростовскимъ городничимъ, ѣздилъ отъ толь въ Новочеркасскъ и за возвратомъ въ Ростовъ взять подъ присмотръ и отправленъ въ Таганрогъ, при взятіи каковымъ отобраны у меня документы и бумаги. Сіи послѣднія заключаются: 1-е—въ клятвѣ, которая извлечена мною по точнымъ словамъ изъ книги театра сочинителя Августа фонъ-Коцебу, для одного любопытства, до кремарка о добродѣтели извлечена оттоль безъ всякаго

злого умысла; 2, рамарка на двухъ листахъ о страданіи чело-вѣчества написана изъ бумагъ, но какихъ, не помню; она извлечена для соображеній, на случай встрѣтиться могущихъ при перепискѣ съ пріятелями. 3, рамарки особыхъ изложе-ній, состоящія на листахъ подъ № 16 и 17, заключаютъ въ себѣ описаніе предковъ, отъ коихъ я происхожу; они напи-саны отъ праздности и остались въ черновыхъ бумагахъ, 4-е, письмо, писанное мною къ коллежскому секретарю Григорію Степановичу Радулову, служащему верховнаго грузинскаго правительства по исполнительной экспедиціи въ должности секретаря, который есть мнѣ искренній другъ и съ кото-рымъ дружество тѣсное веду я до отъѣзда его изъ Одессы въ Грузію: то есть съ 1822 года составлено изъ литеръ гре-ческихъ, еврейскихъ, арабскихъ, турецкихъ, китайскихъ, латинскихъ, русскихъ и другихъ, выдуманныхъ мною, ска-заннымъ другомъ моимъ Радуловымъ и третьимъ нашимъ другомъ же Михайломъ Константиновичемъ Арестовымъ, уволеннымъ изъ одесскаго купеческаго общества и при-бывшимъ изъ Одессы въ Грузію вмѣстѣ со мною: въ немъ заключающіяся слова какъ то, *что началась уже общая на-ма независимая переписка*, относилась къ признательности моей къ нему за скорый успѣхъ въ познаніи сего новаго, нами составленнаго іероглифа, а совѣтоваль я ему, чтобы *не жа-леть водки, вина и угольевъ подогрѣвать самоваръ для насыще-нія лакомой утробы подъячихъ*, по резону тому, что онъ жа-ловался мнѣ письмомъ, которое должно быть въ другихъ мо-ихъ или его бумагахъ, на притѣсненія, ему дѣлаемая въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ проволочкою соверше-ніемъ по довѣрію крѣпостнаго акта на домъ одесскаго купца Катле. 5-е: въ письмѣ другомъ, писанномъ къ тому же Ра-дулову 24 мая 1822 года тогда, когда онъ находился еще въ Херсонѣ, я выразилъ по вновь составленному іероглифу, что о свидѣтельствѣ надобно, чтобы оно было взято не отъ одного засѣдателя, а отъ всего суда; обстоятельство сіе изо-брѣтенными нами литерами написано собственно съ одной глупости и шалости, о документѣ же названномъ свидѣтель-ствомъ, о которомъ писалъ я ему, онъ долженъ былъ по личнымъ нашимъ совѣтамъ спросить членовъ тираспольскаго земскаго суда, въ который я имѣлъ намѣреніе поступить на службу, располагая о таковой, если бы тогда удалось быть опредѣлену получить сей документъ. 6-е: нѣкоторыя извлече-нія изъ опытовъ нравственности Шатобріана и другихъ писа-телей вчернѣ на 6 листахъ имѣлись у меня для одного любо-пытства; 7-е: письмо, писанное мною на пяти листахъ къ служащему въ канцеляріи его сятельства господина новорос-сійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, неизвѣст-наго мнѣ чина, Михайлѣ Николаевичу Леонтьеву, коего я письмомъ симъ уговаривалъ о непаденіи въ заблужденіе

православной религіи; съ чиновникомъ симъ знакомъ я съ 1823 года, то есть со времени отъѣзда моего изъ Одессы въ Тифлисъ, другой же переписки никакой съ нимъ ведено не было. 8-е: бумаги подъ заглавіемъ: „Несправедливое истребленіе воинства“, на 8 листахъ писана вышерѣченномъ другомъ моимъ Радуловымъ, съ бумагами коего я при отъѣздѣ и сію захватилъ; но отколь она собственно его рукою выписана и на какой конецъ, мнѣ неизвѣстно; и я у него не спрашивалъ. 9-е: рескриптъ въ спискѣ покойнаго Государя Императора къ княгинѣ Кутузовой, писанный рукою Радулова взяты мною вмѣстѣ съ бумагою, подъ заглавіемъ „несправедливое истребленіе воинства“; и для чего сія послѣдняя присоединена къ первой Радуловымъ — не знаю, 10-е: письмомъ, писаннымъ мною на 2 листахъ отъ 29 Мая 1825 къ Одесскому купцу Вонифантію Ивановичу Картамишеву, я уговаривалъ его удалять себя отъ печали по случаю потери имъ значительнаго по торговлѣ капитала; 10: при письмѣ на 2-хъ листахъ писанномъ ко мнѣ отъ служащаго въ одесскомъ карантинѣ чиновника Прядуна, прислано описаніе Харьковскаго бульвара; 11: два письма писанныя, одно на нѣмецкомъ, а другое на польскомъ діалектѣ служащимъ верховнаго грузинскаго правительства въ исполнительной экспедиціи чиновникомъ Кульскимъ къ одесскимъ жителямъ Бояти и Депау, но что они въ себѣ заключаютъ—перевести я не могу, получены же они мною для доставленія по случаю отъѣзда въ Одессу. 13. Письмо, полученное мною отъ секретаря Радулова на 10 листахъ, коимъ онъ еще приглашалъ меня въ Грузію на службу и по коему туда было я и поѣхалъ; 14-е: другое письмо его же, Радулова, тоже пригласительное о скорѣйшемъ туда отъѣздѣ и при немъ грузинская азбука, писанная его рукою, все сіе на 16 листахъ; 15-е: черновое письмо, писанное мною въ Одессу къ знакомому мнѣ купцу Викулу Артемьевичу Пасикову, которымъ я его увѣдомлялъ о своихъ обстоятельствахъ, на 8 листахъ, 16-е: азбука гіероглифически писана рукою вышесказаннаго друга моего нынѣ уволеннаго изъ одесскаго купеческаго общества, въ Грузіи находящагося, но въ какомъ мѣстѣ, о томъ знать долженъ Радуловъ, Михаиломъ Арестовымъ; въ азбукѣ сей выраженіе „храмъ общества независимыхъ“ означаетъ союзъ трехъ насъ друзей и таковыхъ же еще собственно моею рукою писанныхъ пять, да одна пустая записка, Арестовымъ писанная литерами гіероглифическими, 17: обнародованіе правъ человѣка и гражданина, писанное рукою исправлявшаго въ одесскомъ Ришельевскомъ лицейѣ должность профессора, г. Егоромъ Шкляревичемъ, которымъ бумага сія и переведена изъ французскаго экземпляра, находящагося должно быть и нынѣ у Арестова и которое имѣю для одного любопытства, а ничуть не для руководства какого

либо на 2 листахъ; 18-е: каталогъ книгъ россійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, латинскихъ, арабскихъ и, частью, нѣмецкихъ, которыя принадлежать собственно мнѣ и находятся въ Ростовѣ. Я сдѣлалъ для повѣрки, сколько бумаги, у меня найденныя по случившемся въ прошломъ годѣ въ столицѣ отъ вольнодумства мятежамъ, подвергаетъ меня сомнѣнію, столько я, не чувствуя сего пагубнаго за собою послѣдствія, надѣюсь оправдаться и правительство увѣрить, что все то происходило отъ глупости и извлекалось для любопытства изъ книгъ разныхъ сочинителей, коими всѣ мы начитаны. Что касается до отобранныхъ у меня въ Ростовѣ двухъ кинжаловъ, двухъ пистолетовъ, изъ коихъ одинъ въ серебрянной оправѣ, одной черкесской шапки и ружья, то все сіе оружіе вывезено мною изъ Грузіи вмѣсто рѣдкостей, а болѣе для предосторожности въ горахъ и Кабардинскихъ степяхъ, чрезъ которые я пріѣзжалъ. Судимъ по суду не былъ, къ тайнымъ обществамъ и масонскимъ ложамъ не принадлежу и никогда не принадлежалъ, съ людьми общества сіи основавшими или къ онымъ принадлежащими, сношенія не имѣлъ, и кто они такіе, да и есть ли гдѣ, совершенно не вѣдаю. Въ дѣйствительной справедливости всего мною изъясненнаго, подписался. Добавляю притомъ, что чиновника Леонтьева отвращать отъ заблужденія побуждался потому, что я, бывъ съ нимъ въ Одессѣ знакомъ, слышалъ не однажды отъ него, что онъ, придерживаясь философіи женевского сочинителя Жанъ-Жака Руссо, не соглашался во всемъ съ христіанскою религіею и говаривалъ согласно моему сочиненію, что она хороша, но иногда можетъ быть и вредна; принялъ же я, Радуловъ и Арестовъ на себя независимость и употребляли произношеніе сіе въ письмахъ не съ умысломъ какимъ либо злымъ, а собственно потому, что мы считали себя независимыми въ сотовариществѣ и дружествѣ по одной только перепискѣ, что удостовѣряется и тѣмъ, что ни одинъ изъ знакомцевъ моихъ, исключая сказанныхъ друзей, не употреблялъ въ письмахъ у меня найденныхъ гіероглифическихъ словъ, употребленіе коихъ тремя нами не во зло открылось повѣркою, ибо во всѣхъ словахъ, подъ литерами сими найденныхъ ни одного вреднаго произношенія не отыскано, исключая независимости и другихъ глупостей.—Подлинное подписалъ увольненный изъ Бендерскаго малороссійскаго общества Василій Ивановъ сынъ Сухачевъ своеручно. Присутствовали: полицеймейстеръ Апсеитовъ, приставъ Лохвицкій, засѣдатель Малаксіановъ“.

О дѣлѣ Сухачева сообщилъ въ Петербургъ ген.-ад. П. М. Волконскій. Слѣдственная Коммиссія собрала свѣдѣнія, по которымъ оказалось, что никто изъ членовъ общества Сухачева не зналъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе этого дѣла было по Высочайшему повелѣнію поручено графу Воронцову.

Графъ Воронцовъ отвѣчалъ, что слѣдствіе по дѣлу Сухачева уже кончено, и что онъ, прочитавъ все дѣло, не нашелъ ничего, доказывающаго злой умыселъ Сухачева. Дальнѣйшая сего „тайнаго человѣка“ судьба неизвѣстна.

VI.

Но возвращаемся къ Грибовъдову. Понятно, что Комитетъ не могъ найти за нимъ никакой вины по дѣлу о тайномъ обществѣ при корпусѣ генерала Ермолова. На поставленные ему 15 марта вопросы Грибовъдовъ отвѣчалъ полнѣйшимъ отрицаніемъ какихъ-либо его сношеній между обществами южнымъ и кавказскимъ. 16 марта отвѣты Грибовъдова были прочитаны и приняты къ свѣдѣнію. На этомъ и было покончено разслѣдованіе о Грибовъдовѣ, но обезкураженный резолюціей Николая Павловича Грибовъдовъ продолжалъ сидѣть подъ арестомъ въ Главномъ Штабѣ. Только, заканчивая свои занятія, Комитетъ въ CXLV засѣданіи 31 мая рѣшилъ возобновить представленіе объ освобожденіи Грибовъдова и представить Государю о немъ записку. Эта записка была подписана флиг.-адъют. полк. Адлербергомъ I. На этотъ разъ представленіе Комитета увѣнчалось успѣхомъ.

2 іюня 1826 за № 765 Военный министръ извѣстилъ дежурнаго генерала Главнаго Штаба объ освобожденіи Грибовъдова, и 2-же іюня за № 787 была послана дежурному генералу бумага, которой предписывалось „представить къ начальнику главнаго штаба „освобожденнаго изъ подъ ареста коллежскаго ассесора Грибовъдова“.

3 іюня 1826 года за № 762 Военный министръ отправилъ командующему Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ слѣдующую бумагу:

„Потребованный сюда на основаніи извѣстной Вашему Высокопревосходительству Высочайшей воли Коллежскій Ассесоръ Грибовъдовъ, на коего упало подозрѣніе въ принадлежности къ тайному злоумышленному Обществу, по учиненному изслѣдованію оказался совершенно неприкосновененъ къ сему.

„Вслѣдствіе чего по повелѣнію Его Императорскаго Величества освобожденъ изъ подъ ареста съ выдачею аттестата свидѣтельствующаго о его невинности и на обратное слѣдованіе къ своему мѣсту снабженъ прогонными и на путевыя издержки деньгами.

„О чемъ долгомъ считаю Ваше Высокопревосходительство увѣдомить“.

4 іюня Грибовъдовъ былъ освобожденъ и черезъ нѣсколько дней получилъ слѣдующій аттестатъ:

Аттестатъ

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повеленію Коммиссія для изысканія о злоумышленномъ Обществѣ симъ свидѣтельствуеть, что Коллежскій Ассесоръ Александръ Сергѣевъ сынъ Грибоѣдовъ, какъ по изслѣдованію найдено, членомъ того общества не былъ и въ злонамѣренной цѣли онаго участія не принималъ.

С.-Петербургъ Іюня 9 дня 1826 года.

Хотя военный министръ и увѣдомилъ 31 іюня Ермолова, что Грибоѣдову выданы прогонныя деньги, однако Грибоѣдовъ получилъ ихъ еще не такъ скоро. По крайней мѣрѣ во входящій журналъ Слѣдственной Коммисіи подъ 11 іюня за № 1200 внесень рапортъ Грибоѣдова о „выдачѣ ему подорожной и прогонныхъ денегъ“. Въ журналѣ находимъ и отмѣтку объ исполненіи „писано 8 класса Карасевскому 1 іюля № 855“.

Указъ Сената о производствѣ Грибоѣдова въ надворные совѣтники былъ данъ 8 іюля за № 32476.

Приведенными свѣдѣніями исчерпываются официальные данныя объ участіи Грибоѣдова въ заговорѣ 1825 года. Къ матеріаламъ, представляемымъ слѣдственными дѣлами, нужно относиться съ большою осторожностью; каждое слово въ нихъ требуетъ критической провѣрки. Даже послѣ тѣхъ многочисленныхъ комментаріевъ, которыя мы дали, напрашивается выводъ, какъ разъ прямо противоположный сдѣланному Комитетомъ. Надо думать, что Грибоѣдовъ не только идейно былъ близокъ къ декабристамъ, но и былъ избранъ ими въ члены тайнаго общества. За краткостью времени, онъ не могъ проявить дѣятельнаго участія, но, соображая складъ его міросозерцанія, свойства его характера, можно допускать, что участіе его въ обществѣ было бы не зауряднымъ: навѣрное онъ былъ бы не рядовымъ членомъ, а вождемъ. Но вопросъ о томъ, былъ ли принять Грибоѣдовъ въ члены тайнаго общества, исполнилъ ли онъ нѣкоторыя тайныя порученія или нѣтъ, могъ интересовать слѣдователей — современниковъ, и теперь интересенъ для біографа Грибоѣдова, но для изслѣдователей-историковъ русской общественной и литературной жизни — онъ не имѣетъ большого значенія. Намъ важно отмѣтить идейное вліяніе декабристовъ на жизнь и творчество Грибоѣдова. Пусть будетъ достовѣрнѣйшимъ образомъ доказано, что Грибоѣдовъ не былъ членомъ тайнаго общества, но мы все-таки не измѣнимъ нашего представленія о томъ, что Грибоѣдова должно считать представителемъ общественнаго движенія 20-хъ годовъ и близкимъ сторонникомъ декабристовъ, раздѣлявшимъ во многомъ ихъ теоретическія убѣжденія.

И. Щеголевъ.